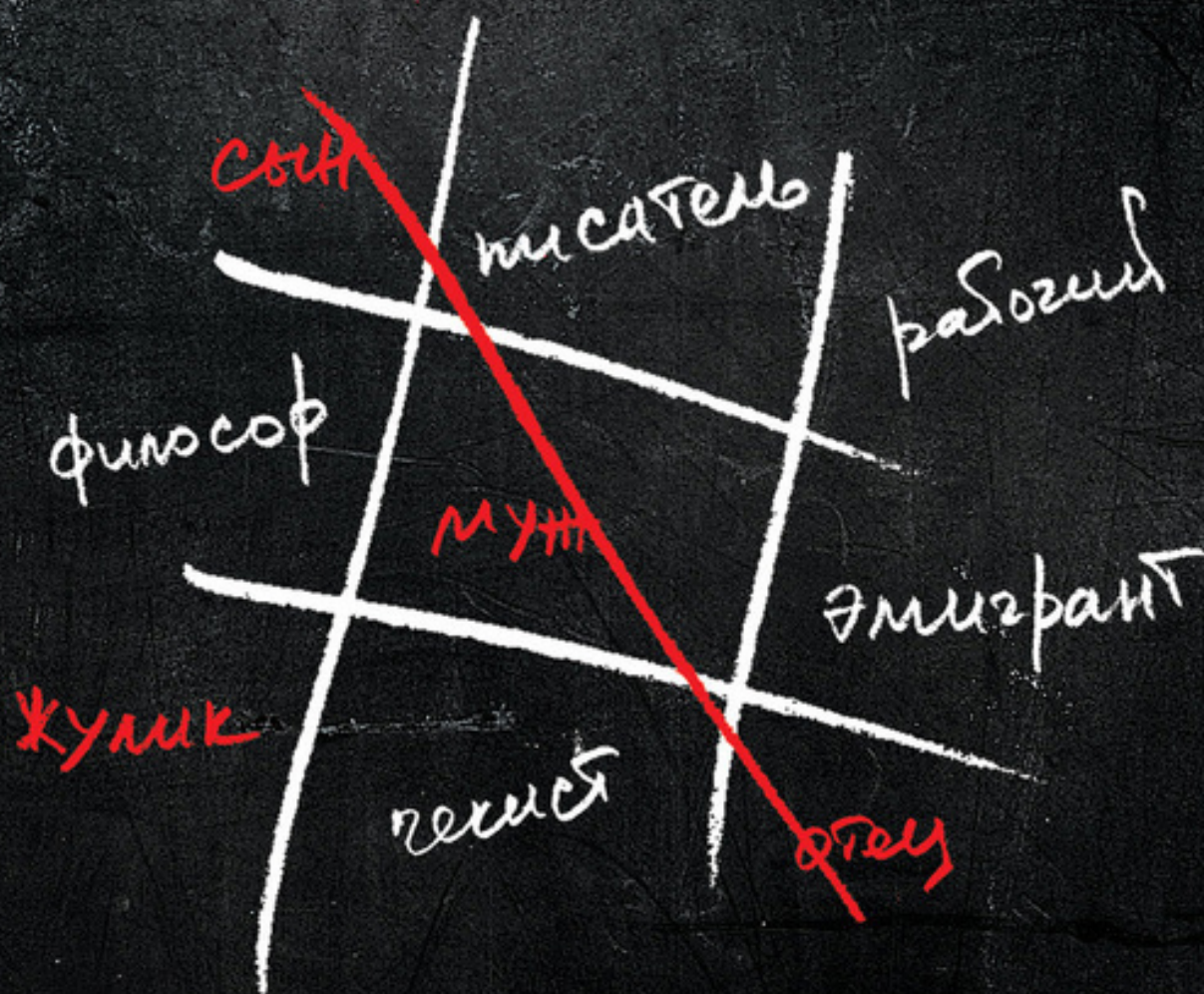

АЛЕКСАНДР СТАРОВЕРОВ

Я В СТЕПЕНИ

и

Р О М А Н

Александр Староверов

Я в степени n

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Староверов А. В.

Я в степени п / А. В. Староверов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-699-94509-2

Любой человек хоть раз в жизни задумывался: что было бы, если... Если бы получил другое образование, нашёл другую работу, встретил другого человека, принял бы другое решение. Что, если... «Что, если?..» – второе название кризиса среднего возраста. Главный герой нового романа Александра Староверова постоянно задаёт себе этот вопрос. Бизнесмен он или писатель? Счастлив или нет? А что было бы, если он – работяга, отправившийся воевать на Донбасс? Или чекист, защищающий Родину от происков Запада? Или эмигрант? Или пятая колонна? Или чиновник? Чтобы ответить на эти вопросы, возможно, придётся умереть. Возможно, воскреснуть... В этом мире возможно всё. Но можно ли в нём быть просто счастливым?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94509-2

© Староверов А. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Часть 1. Темная ночь	6
Полу...	6
Люди добрые, люди русские	7
Явление природы	16
Темная ночь	28
Любовь и бедность	37
Черный день	46
Часть 2. Темный день	58
Утро красит нежным светом...	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Староверов

Я в степени п

© Староверов А., текст, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть 1. Темная ночь

Полу...

Я получеловек, а получто-то —
Полу-Икар, полуикота,
Полунектар и полурвота.
Бреду в бреду средь полусброда.

Во мне есть сердца половина:
Полусвятой, полускотина.
И вьётся жизнь средь серпантина:
Полувисот, полунизины.

Я полумуж и полупапа,
Я полутрус, что полудрапал.
Я дождь, который полукапал,
Полусмеялся, полуплакал.

Я взрослый полуотморозок,
Застывший в костной полупозе,
Писавший что-то в полупрозе
Пером, что Бог по полу возит.

А на полу, средь грязи пола
Пружинит комом моё горло,
И комья правды полуголой
Стучат в литавры полусоло:

О том, что в мире полужестком
Все полусложно, полупросто,
На каждый пост – два перепоста,
И крест стоит в нуле погоста.

И победителей не будет.
Но кто-то всех полуразбудит
И полусонных в плеть закрутит,
И имя оных – ПОЛУЛЮДИ

Модели «полуавтомат»:
Кто полугад, кто полубрат.
Им всем поставят полумат,
И всё сплетется в полуад.

Люди добрые, люди русские

- Вот здесь остановите, пожалуйста, я выйду.
- Может, во двор заехать?
- Не надо, я пройдуся.
- С вас пятьсот девяносто рублей. Поставьте мне оценку, если не трудно...
- Конечно, пятерку поставлю – не волнуйтесь.
- Спасибо, всего доброго.
- Удачи.

Я выхожу из «Яндекс-такси» на свежий ночной воздух. Все в этой фразе неправда. И воздух в районе Ходынки не свежий, и Яндекс – интернет-поисковик, а не такси. Живу во лжи, как и остальные пятнадцать миллионов москвичей, и не замечаю этого. Сейчас заметил, потому что в зюю пьяный. Но мне все равно. Именно поэтому и все равно. Когда пьяный, я добрый. Так, по крайней мере, говорит моя жена. Мы с ней вместе уже двадцать лет. Последние пять она внесла корректировку в поставленный диагноз: «Только когда пьяный, только тогда и добрый». Подразумевается, что в остальное время – злыдень злыднем. Такой вот заколдованный алкоголем мальчик сорока четырех годков. Или расколдованный? Неважно. «Я в зюю добрый сейчас». Красивая фраза. Это я сам придумал, только что. Если в зюю пьяный, почему бы и не быть в зюю добрым? Тем более мы все сегодня в зюе. Вся страна, не один я. Вместе веселее...

Обычно я не ставлю отметок водителям из интернет-такси. Но сейчас – я добрый. Вечер удался на славу. Я был в гостях у друзей на даче.

Опять вру: не на даче, а в доме. Это у меня дача, в сорока километрах по Новой Риге, а у них дом прямо за МКАД. Живут они там весело, как в последний день Помпеи. Летом 2015 года все так живут. Толпы народа в ресторанах, а говорят еще – кризис. Кризис, говорят, и отжигают, отплясывают, отпивают из бокалов, отрываются и летят, летят... То есть думают, что летят. На самом деле падают. Падать – это весело, дух захватывает! Я вот тоже, когда из такси вышел, чуть не упал, но удержался. А мой друг падает. Он банкрот почти, устраивает вечеринку за вечеринкой, чтобы падать было веселее. Сегодня дегустировали виски вслепую, делали ставки: кто угадал – выигрывает. Я угадывал. Догадывался так, что еле на ногах стою – добрый и пьяный. Я стою, я еще не совсем банкрот, и у меня дача, а мой друг – совсем, но у него дом. Впрочем, падаем мы с ним вместе, просто он чуть быстрее. Чтобы отогнать грустные мысли и поправить карму, я достаю из кармана телефон и пытаюсь поставить водителю оценку.

«А может, не надо? – тихо и жалобно спрашивает меня внутренний голос. – Кто ты такой, чтобы его судить? Ведь сказано же: не судите и не судимы будете».

«Пошел в зюю, – отвечаю я голосу вслух, – в зюю, где я добрый и пьяный. Там и встретимся. А сейчас заткнись. Я обещал».

Голос утихает. Я довольно тыкаю пальцем в экран смартфона, в район пятой звездочки. Палец соскальзывает и попадает в район второй. Вот так, поправил карму, называется: теперь водитель не получит новых заказов, и его очаровательные узкоглазые киргизские детки умрут с голоду. И смерть их будет на моей совести. Благими намерениями дорога вымощена... известно куда. Туда я и отправлюсь после своей смерти. Правда, казус с машиной будет стоять на девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девятом месте в списке моих грехов. Но тем не менее... Надо было слушать голос. «Девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять грехов, – печально думаю я и тут же радуюсь: остался один грех до миллиона – можно отпраздновать, нажраться...» В последнее время у меня столько поводов нажраться! Я их не ищу, они меня ищут. И находят. Жена говорит, что я медленно превращаюсь в алкоголика. Слава богу, что медленно, ей, наверное, хотелось бы ускорить процесс. Ведь только когда пьяный, я добрый. Тем не менее и моим пьянством она недовольна. Не поймешь ее...

Раньше, когда я выступал в высшей лиге борцов за денежные знаки, я пил, конечно, реже, строго раз в неделю – по пятницам. Но пил так, что несколько суббот едва не стали последними в моей жизни. Один раз даже попал в реанимацию с алкогольным отравлением. И ее это особенно не волновало. Сейчас, когда я ушел на тренерскую, так сказать, работу, – появилось время. Естественно, я пью чаще. Но ведь и меньше же. Намного меньше! Во всяком случае, без последствий в виде реанимации. Вот тут и появился термин «алкоголик». А какого, собственно, черта? Я, Витя Соколовский, 1971 года рождения, прекрасно выгляжу и чувствую себя намного лучше, чем раньше. Многие даже отмечают, что я помолодел. Нет, пилит: алкоголик, спиваешься, деградируешь... Сегодня я попросил хозяина дома, где дегустировал виски, разъяснить эту загадку. Он умный мужик, женат, в отличие от меня, четвертым браком, имеет огромный опыт, теоретически должен помочь. И помог.

– Понимаешь, друг, – сказал он, – с точки зрения женщины, редкие, но сильные загулы не мешают жизни семьи. Допустимое отклонение. А регулярное употребление алкоголя, хоть и в небольших дозах, ставит под угрозу благополучие детенышей и гнезда. Миром правят самки и их великий вождь – Чарльз Дарвин. И правильно, что правят, иначе не было бы уже давно никакого мира.

Ситуация прояснилась. Я было обрадовался, что все оказалось так просто. Хорошо иметь таких опытных и башковитых друзей. Рано радовался... Сделав паузу в полминуты, друг похоронно улыбнулся и продолжил:

– А вообще, видимо, ты ее просто раздражаешь. Прошла любовь, завяли помидоры... Бывает, не расстраивайся.

Кстати, произнося эти слова, он уже был пьяный. Но не добрый, как я. Иначе бы промолчал...

* * *

Шатаясь, как грустная ива над реченькой, я перехожу дорогу, и юбилейный грех проносится мимо меня на скорости около ста километров в час. «Мерседес SL» купе чего-то там едва не задевает меня своей умопомрачительной красоты бочиной. «Вот сбил бы сейчас, – думаю я вяло, – и все, точка. Миллионный грех. Вместо пышных торжеств с громким загулом по случаю юбилея – пышные похороны на пороге сорокапятилетия. Я – в ад, водитель «мерса» – в тюрьму. И обиднее всего, что даже нажраться не успею... Черти в аду небось стол не накроют».

Странно, но мне не страшно: действует алкогольная анестезия, даже плюсы нахожу в неожиданной смерти. Зато быстро.

«Эй-эй, подожди! – возмущается внутренний голос. – Куда торопишься? А ничего, что ты на зебре стоишь и скорость здесь разрешенная – двадцать километров в час? Ты чужие грехи зачем на себя вешаешь?»

Я хочу по традиции послать голос, но не успеваю. «Мерседес» резко тормозит и сдает назад. Дверь открывается, и из машины выбегает человечек. Я так называю его – «человечек». Он очень маленький и очень молоденький. Лет двадцать, может быть, двадцать один. Человечек подбегает вплотную ко мне, задирает голову, едва достающую мне до подбородка, гневно смотрит на меня и шумно дышит. И он тоже сильно пьяный. Но злой. Бывают такие злые люди, которых алкоголь делает еще более злыми. А у него еще и гормоны бушуют. Ух, какой я сегодня хороший! Даже он меня не выводит из себя. Наоборот, я умиляюсь почему-то: в сыновья мне мальчишка годится – моей дочери двадцать.

Эх, дурашка, нажрался, разобьет ведь свою тупую башку в купленном богатым папой «Мерседесе», а с папой инфаркт потом случится...

Мальчишка не угадывает моих добрых к нему чувств, толкает меня твердым животиком. И орет:

– Тра-та-та-та-та, козел, я твои тра-та-та глаза на тра-та-та намотаю. Да таких, как ты, в тра-та-та убивать надо! Урод пьяный, быдло! Ходишь тут, тра-та-та-та!..

Матерные слова он выговаривает с явным наслаждением, но неумело. Как бывшие либеральные журналисты, переквалифицировавшиеся в хулителей американской военщины по телику. Как – этот, по второму каналу, – как его... И руками пацанчик машет похоже... Видно, что еще совсем недавно у учительницы в туалет пописать отпрашивался, а вот теперь – свобода. Только быдлом он меня зря назвал, тем более пьяным. От самого перегаром несет за километр. Но ему вроде как можно, он в красивой, дорогой машине. В такой машине все можно: и пьяным, и ссыным, и каким угодно. Машина как бы отгораживает пацанчика от общепринятой морали и норм поведения. Ему даже самому не смешно, что он, нетрезвый, выскочив из-за руля, орет пешеходу «пьяный урод». В принципе, за этим такие машины и покупаются. Люди в бога верят с трудом, а в вещи – еще как.

Я все понимаю – я в зюзю добрый и пьяный сегодня. Едет бухой пацанчик в защищающем от морали коконе, стоимостью в сотню тысяч евро, чувствует себя сверхчеловеком, а тут мужик какой-то в джинсиках и потертой худе. И сверхчеловек чуть не сбивает мужичка и пугается от этого не на шутку. Вся жизнь его могла поломаться, вся его сверхчеловечность. И поломалась, кстати. Страшно ему, маленьким он себя чувствует и испуганным, поэтому – злым и несчастным. Главное – из-за кого? Из-за ничтожества, у которого даже нет денег на приличную тачку, на одежду нормальную хотя бы... Я все понимаю, только быдлом он назвал меня зря... Есть, конечно, у меня кое-какие проблемы, но я не быдло. Я значение слова «экзистенциализм» знаю, читал много, разбираюсь в джазе и блюзе. В конце концов, я вроде как писатель – написал пару серьезных романов, несколько повестей. Вот вчера закончил повесть о любимых и ушедших уже бабушке и дедушке. Я в любовь, между прочим, верю... Или верил? Неважно. В общем, разбираюсь кое в чем. Два высших образования плюс МВА – тоже что-то значит... Хотя, с его точки зрения, мои аргументы не канают. Джаз, блюз, романы, любовь, образование, бабушка, дедушка – хрень собачья! Бесплодные рыдания нищелюбов в попытке оправдать свою никчемную жизнь. Покажи мне деньги, или *show me the money*, как говорят наши заокеанские партнеры. И они правы по-своему. А пацанчик неправ. Потому что и деньги у меня есть – во всяком случае, пока. Их становится с каждым днем все меньше, но еще есть. И бизнес – хоть постепенно загибающийся – пока присутствует. Весь джентльменский набор: бизнес, недвижимость в солнечных и туманных странах, счет в твердой валюте на черный день, дочка в одном из лучших университетов мира... Я вообще умный, я рубли летом сорокадцатого года в доллары перевел по курсу 35, мне сегодня многие завидуют. А он говорит – «быдло»...

Хотя есть и у меня один врожденный порок. И не у меня одного. В России я живу, и поэтому все мои достижения на ниве борьбы за материальное благополучие эфемерны, как мираж посреди Сахары. Вот, казалось бы, оно достигнуто – построен оазис нормальной, человеческой, сытой и где-то богатой даже жизни. Отдыхай, наслаждайся, пиши книги, думай над вечными вопросами, развивай душу... Ан нет, суровый русский северный ветер сметает все фигуры с доски. Хаос пробирает до костей, и тает мираж в пустыне, и не желтый песок вокруг, а холодное белое безмолвие. И поди еще дотопай до далекого огонька на темнеющем горизонте. Километров тридцать до ближайшей деревни по морозцу. И совсем еще не очевидно, что в этой деревеньке горит: окошки домов уютным светом или сама деревенька синим пламенем. Бывало в русской истории, что и деревенька...

Вот о такой ерунде я думаю, пока пацанчик запальчиво и уныло стрекочет свое нескончаемое тра-та-та-та-та. Я теперь постоянно об этом думаю. Думаю, говорю, молчу об этом... Даже когда в зюзю добрый и пьяный. И все вокруг думают, говорят и молчат об этом же. Меня достали уже эти мысли. Я пью, чтобы не думать, и все равно думаю, только более заковыристо и поэтично, чем обычно. Сахара, морозец, деревенька... Тьфу, пошлость... Проще все и жестче.

Ни одно поколение русских людей со времен Ивана Грозного не умирало, пожав плоды трудов своих, и я не вижу причин, чтобы мое поколение стало первым исключением из правил.

Ладно... Пора заканчивать весь этот балаган. От грустных мыслей я стремительно трезвею. Ничего никому не докажешь и не изменишь. Драться с мальчонкой глупо, сейчас аккуратно похлопаю его по плечу, пробормочу извинения и пойду своей дорогой в дом, где меня никто не ждет. Точнее, ждет, очень ждет, но только для того, чтобы сказать, как не ждет. Фигня, не первый год женат, к парадоксам семейной жизни я уже давно привык.

Парнишка выдохся, замолчал, даже дышать стал намного спокойнее – самое время сгладить ситуацию и удалиться. Я и собираюсь это сделать: медленно, не делая резких движений поднимаю руку, чтобы похлопать его по плечу, но вдруг на пацанчика накатывает вторая волна.

– На колени, падла, – шипит он, раздувая ноздри, – на колени и проси прощения, а то убью. На колени, быдло, быстро.

«Дожил, – пытаюсь мысленно иронизировать я, – уже сопляк, ровесник моей дочери, меня на колени ставит. Мало мне всего этого гребаного мира, так еще и он...». Ирония помогает слабо. Малолетний дурак меня наконец достал. Даже не столько он, а весь этот дурацкий, юный, задорный и нелогичный мир, который меня окружает. «Не стоит прогибаться под изменчивый мир...» – вспоминаю я известную песню. Ой не стоит, подтверждаю я сам себе правильность мудрых слов. Пусть лучше он прогнется под нас. Сейчас прогнется...

Я еще раз смотрю на рожу пьяного и злого мальчика ниже своего подбородка. Рожа противна, на роже крупными буквами написано слово: «Хам». По роже очень хочется врезать. Аж ладони чешутся! Неправильно это – я точно знаю, что неправильно. Маленьких бить нельзя, особенно маленьких дураков, особенно когда они ни в чем не виноваты, а виноват маленький дурацкий мир, в котором ты живешь.

Я опускаю поднятую для похлопывания руку, хочу сказать примирительные слова, но в последний момент снова концентрируюсь на маленьком человечке, раздувающим свои маленькие ноздри. «А почему бы и нет?» – обреченно думаю я и с наслаждением, точно зная, что поступаю неправильно, но тем не менее с огромным наслаждением бью пацанчика кулаком в его злое лицо.

Какого черта он не падает? Я вообще-то боксер, кандидат в мастера спорта, чемпион Москвы среди юношей восемьдесят лохматого года. У меня удар поставленный, от него все падают, даже телеграфные столбы, – я сам проверял лет пятнадцать назад. Да, не занимаюсь уже боксом четверть века, но мастерство-то не пропьешь. Или пропьешь?

От удивления я развожу руки в стороны и пропускаю удар в ухо по касательной. Хороший удар, это повезло еще, что по касательной. Ладно, спишем все на случайность. Я встаю в стойку и осыпаю наглого пацанчика серией ударов. Сейчас точно завалится! Он, в конце концов, в два раза легче меня и ниже. Не падает, гад, я попадаю, а он не падает. Что со мной? Быть такого не может, дела у меня, конечно, не очень в последнее время, но чтобы до такой степени? Чтобы сопляка ростом метр с кепкой, половинку, можно сказать, от моих нажитых ста двадцати килограммов не уложить? Это как так вышло? Последняя ведь радость оставалась – ходить по родному городу с высоко поднятой головой, где угодно, когда угодно, не боясь ни русопятой гопоты, ни чернявых абреков – никого. Даже драться не нужно было. Эти зверьки все чувствуют на расстоянии. А теперь как? Может, он каратист какой или виски я напробо- вался слишком?

«Все не то, – отвечает мне ехидно внутренний голос. – Просто прав пацанчик: ты старый пьяный козел с раздувшимся самомнением. Старый, старый, старый и алкоголик почти...»

– Да я... – не соглашаясь, ору я вслух. Доорать не успеваю – в лоб прилетает кулачок маленького человечка. Маленький-то маленький, а бьет больно. Давно меня так не били... Держать удар я еще, слава богу, не разучился. Очухался, быстро вытянул длинную руку, схватил пацанчика за горло и держу его на расстоянии. Он прыгает, а дотянуться не может, но по руке

колотит – больно, завтра синяки будут. Я разозлился. Хорошо, не супермен я больше, «отговорила роща золотая березовым веселым языком...». Но сто двадцать килограммов живого веса во мне все-таки есть? Есть! Сейчас навалюсь на него, уроню на землю, не собью ударом, так придушу хоть слегка, для науки. Будет знать. Да тело ослабло и изнежилось, легкие прокурены... Вот уже и задыхаюсь через минуту. Но дух – дух крепок, мой дух никому не сломить! Ни гребаному маленькому человечку, ни такому же маленькому и подленькому миру.

Я уже совсем собираюсь изобразить нечто вроде сумоистского прыжка из угла ринга, как слышу позади себя знакомый голос с характерным гэканьем:

– Да шо ж ты, хад, дэлаешь? Я щас мылицью позову!!!

Наша консьержка Тая, бабка лет 55 с Украины, отважно бросается мне на помощь. Буквально бросается, пытаясь повиснуть на пацанчике, а тот четко и акцентированно бьет ее в живот. Тая оседает на асфальт. И тут в голове моей, что называется, помутилось. Три вопроса возникают одновременно, постепенно смешиваясь друг с другом. Первый: «Тая всего на десять лет старше меня, и она бабка, а я суперменом был минуту назад. Почему?» Второй: «Что же он за сволочь такая – женщину старую кулаком?» Третий: «А не убить ли мне его?»

От шока и удивления я разжимаю горло пацанчика. Вопросы в голове окончательно перемешиваются и звучат теперь так: «Почему я был суперменом? Что же я за гад? И зачем кулаки у Таи, если она не умеет ими пользоваться? И вообще, где мои семнадцать лет? На Большом Каретном? Тогда везите меня туда, срочно, я не хочу здесь оставаться ни секунды!»

Мне грустно, мне очень грустно, чмо я и ничтожество, если даже женщину старую защитить не могу. Какой, к черту, дух?! Яду мне, и побольше...

Вот вроде опытный я человек – жизнь прожил и боксом занимался в юности, а ошибку совершил детскую. Тут ведь одно из двух: либо драться, либо рефлексировать. Это мне мой тренер в двенадцать лет сказал, когда я только заниматься пришел. «Поэтому, – сказал, – вас, интеллигентов недорезанных, и бьют всегда, что думаете много. А ты не думай – ты дерись. Дерись, и все».

...В губу мне прилетело так, что она лопнула, и из нее фонтанчиком брызнула кровь. Красиво так прилетело, живописно, как в голливудских фильмах. Размахивая руками, я попытался удержать равновесие, и каким-то чудом в последний момент не только удержал, но и умудрился залепить пацанчику хорошего крюка снизу. Вполне вероятно, что сломал ему нос или челюсть. По крайней мере, он упал наконец-то, и рожа у него была вся в крови. Но и я упал, вложившись в удар по полной. Не то чтобы упал, а как бы устало опустился на четвереньки.

Смешно: пацанчик тоже стоял на карачках в нескольких метрах от меня. Когда только подняться успел, гад? Все, шутки кончились! Два четвероногих зверя готовились убить друг друга. Молодой и матерый. Морды у зверей сочились кровью, каждый пытался доказать свое право на существование. Причина конфликта уже забылась – я ее точно не помнил. А какая еще нужна причина, чтобы перегрызть ближнему горло? Он ближний и уже поэтому мешает.

– Урод пьяный, сука, быдло, сдохни! – пробулькал молодой.

– От быдла слышу, щенок слюнявый, – ответил матерый я.

Мы скалили окровавленные зубы, мы рычали, мы готовились к древней и самой понятной на свете битве за жизнь. Я было подумал о том, как же все-таки подозрительно быстро с меня, любителя литературы и новоорлеанской школы джаза, сполз человек. Но тут же задушил эту мысль. Нельзя думать. Сдохну. Еще секунда бы, и началось...

Но тут где-то наверху, над нами, раздался очень громкий и, как ни странно, тоже пьяный голос:

– Люди русские, твою мать, вы чего? Совсем охренели?! Дороги вам мало? Да я вам сейчас сам таких навешаю – за тупость вашу! В Москве хачей полно, а тут русские люди дорогу не поделили!

Голос звучал настолько неуместно в сложившейся мизансцене, что мы с пацанчиком, не сговариваясь, подняли головы вверх. Не знаю, что ожидал увидеть пацанчик, а я думал, что пришел по мою душу былинный Дед Мороз из сказки «Морозко». Пьяненький немного, но от того еще более былинный, растягивающий на богатырский манер слова, размахивающий грозно сеющим холод посохом.

Я поднял голову, но Деда Мороза не увидел. Надо мною стояло, сжимая в руке банку дешевого пива, укутанное шарфом с надписью «ЦСКА», обыкновенное московское быдло. Ну вот, то самое, классическое, которое я отважно игнорировал, гуляя по улицам родного города. Парень лет тридцати, с опухшим, стертым лицом, выглядящий на все сорок, – явно футбольный фанат. Словно Ленин кепкой, он размахивал банкой пива «Балтика № 7» и был абсолютно уверен в своем праве судить меня с пацанчиком – казнить или миловать. «Господи, ну за что же мне все это? – мысленно завопил я. – Что я им всем плохого сделал? Почему они думают, что могут учить меня и улучшать? Я просто решил не заворачивать во двор на такси. Просто прогуляться хотел, проветриться после пьянки... И вот – пожалуйста! Сначала злой мальчишка на «Мерседесе», а потом, когда я почти включился в восхитительную, не на жизнь, а на смерть, драку, появился этот судья из Центрального спортивного клуба армии. Даже подражаться спокойно не дают... За что?»

Бог молчал, он вообще всегда молчит. В этот раз, в наступившей внутри тишине, мне почудилось молчаливое осуждение. Я разозлился – непонятно на кого – и дал выход раздражению в направлении былинного фаната ЦСКА.

– Иди в задницу, – сказал я ему. – В пьяную и добрую задницу, где ты живешь постоянно, а я бываю иногда. Иди, не мешайся под ногами.

И тогда мужик произнес фразу, которая меня убила, потом воскресила и снова убила. И так несколько раз. С ног на голову все перевернула эта фраза или наоборот. Не часто мне рвали шаблоны – я сам кому угодно могу их порвать. Шаблон порву, моргалы выколю, а вы даже и не заметите. Но в этот раз у простого как три копейки футбольного фаната получилось намного лучше. Грустно икнув и огорченно махнув банкой пива, он изрек пылающие, взорвавшие мой мозг слова:

– Ну и быдло же ты, мужик, а еще глаза хорошие...

Я сначала не понял, а после, когда до меня дошло, сел на мокрый асфальт и, не обращая внимания на скалящего зубы пацанчика, обхватил голову руками и завыл от рвущего меня на части прозрения. Я осознал божий замысел. Сегодняшний вечер был посвящен усмирению моей гордыни и выяснению вопроса, кто на свете всех быдлее. Оказалось, я. Смешно. Очень смешно. Обалденное у Господа чувство юмора! Да-а-а... это вам не «Камеди Клуб». Монти Пайтон с Вуди Алленом нервно курят в сторонке...

Несколько секунд я выл и раскачивался, сидя на асфальте, а потом, осознав всю абсурдность ситуации, засмеялся. И даже не засмеялся, а заржал, истерично всхлипывая и вытирая слезы.

Гопник с мажором обалдели. Злой мальчишка от удивления, как и я, сел на асфальт, испачкав свои дорогостоящие штаны.

– Ты чо? – недоуменно произнес, выпучив на меня глаза, футбольный фанат.

– Ты это зачем? – как-то по-детски поинтересовался у меня ставший вдруг незлым уже теперь пацанчик.

– Быдло... – простонал я сквозь смех, по очереди тыкая в них пальцем. – Ты мне... быдло... я тебе, а он... он... нам... Мы все... все... по кругу... быдло... По кругу... Ой, не могу... по кругу... как в порнушке... Не могу... как в порнушке... немецкой...

Я повалился на асфальт, провел по нему разбитым лицом, оставляя кровавый след, и завыл, скребя ногтями мокрую землю. Уж не знаю, поняли ли они меня, или мой безудержный смех их заразил, но сначала хмыкнул присевший на корточки рядом гопник, а после к

нему присоединился мальчишка из «Мерседеса». И понеслось, минут десять успокоиться не могли. Как только утихали, кто-то произносил слово «быдло», и приступ веселья начинался по новой. Даже в молодости, по большой укурке я так не смеялся. И все добрыми такими стали, хорошими. У мальчишки вдруг просветлело лицо – совсем детским оно оказалось, капризным немного, но хорошим и чистым, как у моего семилетнего сына, когда он распалится. А гопник действительно превратился в Дедушку Мороза из сказочного фильма, не в грозного деда, морозящего плохих персонажей хрустальным посохом, а в доброго старичка, утешающего бедную сиротку Настеньку. И нос такой же картошкой у него вдруг вылез, и усы как будто пробиваться начали. Ох, какими близкими мы вдруг стали, родными почти: три мужика посреди ночной, предосенней Москвы – гопник, мажор и я – непонятно кто – то ли бизнесмен, то ли писатель.

Когда кончился смех, сама того не желая, нашу близость укрепила украинская бабушка Тая. Во время всеобщего веселья она стояла в сторонке и пыталась понять, что происходит. Я вроде приличный, меня она знает, здороваюсь каждый день. Гопник – ну, с ним все понятно, мальчик из «Мерседеса» – по определению враг. Потому что мальчик и потому что из «Мерседеса». Наверняка сын коррупционера. И что этих троих могло объединить, и почему они смеются? Драться ведь хотели еще десять минут назад... Мир у Таи разрушился! И лишь когда мы успокоились, она, уцепившись за дымящиеся руины и предусмотрительно отойдя на десяток метров, прокричала:

– Алкоголики, наркоманы! Я зараз вот пиду, милицию вызову!

Вот после этих слов мы окончательно и породнились. Да, алкоголики, да, наркоманы, быдло – короче, люди русские, обыкновенные русские люди, невзирая на различия в возрасте и социальном статусе.

– Перед бабушкой извинись, – сказал я мальчишке. – Ты же все-таки ее ударил.

Пацанчик вопросительно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на гопника.

– Конечно, извинись, – подтвердил футбольный фанат. – Баб бить – последнее дело, особенно тех, которые тебе в матери годятся.

Мальчик со сломанным носом вскочил и, разбрызгивая капли крови, побежал догонять Таю. Я чуть не расплакался от умиления. Мы стали семьей. Мы стали братьями, пацанчик был младшим. И как в любой нормальной семье, решили вопрос большинством голосов – объяснили младшему, в чем он был неправ. И младший понял. Я видел, как он стоял на коленях перед офигевшей от его напора консьержкой, говорил ей что-то и протягивал красную купюру – по-моему, пять тысяч рублей. Тая взяла, и младший, счастливый, побежал обратно к нам. Хорошо, что он не рассмотрел, как Тая, быстро покрутив пальцем у виска, развернулась и радостно пошла в наш подъезд. Мы с гопником это видели, но ему не сказали.

Мальчишка добежал и остановился, тяжело дыша. Что делать дальше – было непонятно: драться немыслимо, расходиться после внезапно установившегося между нами родства – тоже не хотелось.

Чтобы не дать погаснуть вспыхнувшему огоньку любви, я задал младшему вопрос:

– Ты чего взбеленился-то? Я же на «зебре» стоял, никого не трогал...

– Да понимаете, – от волнения мальчишка перешел на вы, – девушка меня послала... Мы с ней четыре года вместе, с восьмого класса. Нашла себе... От нее еду. Не выдержал, завернул в магазин, купил и прямо в машине... из горла... А тут вы... Простите меня, не в себе...

– Да ладно, – сказал я. – Понимаю, бывает... Думаешь, молодым не был, что ли?

– А чего она тебя послала? – удивился гопник. – Ты вроде богатый – вон тачка какая, чего ей еще нужно?

– Богатый – не богатый... Какая разница? – печально ответил мальчишка. – Тут не в этом дело. Тут – любовь. Первая она у меня... Тяжело...

– Да плюнь! – из самых лучших побуждений утешил его футбольный фанат. – Подумаешь, дырка с ушами. Знаешь, сколько у тебя еще их будет?

Пацанчик непроизвольно сжал кулаки, и я, чтобы не доводить дело до очередного, миллион первого греха, быстро обратился к гопнику:

– А ты чего здесь шляешься ночью, бухой? Живешь-то сам где?

– Да опять, – сразу погрузился фанат, – опять наши на выезде проиграли... Кони и есть кони, на них бы пахать – толку больше было бы... Нам на стадионе ЦСКА руководство клуба просмотры матчей устраивает с бесплатным пивасиком. Ну, когда выигрываем – пива хватает, а когда сливаем – тут без водяры не обойдешься. Я и побежал, возвращаюсь, а народ разошелся. Ну, я и принял с горя в скверу, на скамеечке. Это же надо – четвертую игру подряд!.. А живу я в Бибирево, вот к метро шел... Заблудился... А вас увидел – и так обидно мне за все стало: и за ЦСКА, и за вас, и за всю нашу Рассеюшку, что, ей-богу, вам обоим навалял бы. Хорошо, что вы нормальными мужиками оказались.

– А у вас что случилось? – спросил меня пацанчик после небольшой паузы. Он почему-то был абсолютно уверен, что у меня тоже что-то случилось. Ну конечно, между братьями всегда существует мистическая связь. Чувствовали мы друг друга – прав он. Случилось... Только как рассказать, что случилось, я не знал. Слишком большие и неопределенные проблемы. Я и сам до конца не разобрался.

– У меня вообще все плохо... – сказал, махнув рукой, – и по всем фронтам. Долго рассказывать...

– А вы торопитесь? Не хочется сейчас одному оставаться. Грустно...

Младший замолчал. Но, как будто вспомнив что-то, быстро продолжил:

– У меня в машине еще две бутылки виски, полных. Я три купил. Давайте выпьем, а? Дерьмово же все так, выпьем, поговорим...

– Другое дело! – обрадовался гопник.

– А давайте, – сказал я.

* * *

Мы сидели в крутом «Мерседесе» пацанчика и зверски бухали. Стаканчиков в машине не нашлось, поэтому пили «Блэк Лэйбл» из горла, по очереди. Когда я пил, кровь из губы капала прямо в бутылку, а у мальчишки капала кровь из носа. Можно сказать, кровно побратались. У гопника кровь не капала, его вклад в переходящую бутылку ограничивался пьяными слезами, но нам хватило и этого.

– Понимаете, братаны, – роняя слезы в виски, всхлипывал фанат ЦСКА, – жизнь – дерьмо! Живу в двухкомнатной квартире с родителями жены и ее сестрой, и ребеночек у нас маленький. На десяти метрах живем троим. Но это бы еще ничего – в войну хуже жили. Если бы не Машка... Пилит она меня постоянно: деньги, деньги, давай деньги – на то, на это. А мне что, разорваться?! Я и так полторы смены на заводе токарем пашу, и все равно больше полтинника не выходит. А для всякого шахер-махера вашего я не приспособлен. Да и Машку можно пережить, люблю я ее, дуру, но теща... Это вообще – Сталин в юбке, придушил бы ее, гадину! Если бы не Машка... А тут еще кони четвертую игру подряд сливают... Дерьмо, все дерьмо кругом. Поубивал бы...

– Вообще не поймешь этих баб, – поддержал фаната окосевший вконец мальчишка. – Моя вот к дизайнеру ушла... А у него ни гроша в кармане. Так – идеи только безумные. «Зато он настоящий», – говорит. Это она мне говорит. Настоящий он... Хорошо, а я что – искусственный? У меня что, сердца нет? Есть, и болит, между прочим. Люблю я ее, суку зажавшуюся. Чего я ей только не покупал... А она мне: «Не буду брать, это на ворованные деньги твоего папашки куплено!» Прозрела, тварь, четыре года не прозревала, а как дизайнера встретила –

доперло. Ворует мой папашка-чиновник, видите ли. А ведь все воруют, мог бы ее дизайнер, тырил не меньше остальных.

– Во-во, у нас на заводе тоже все воруют. В утробу пихают больше, чем переварить могут. Деньги, деньги – все им мало. Все зло от денег. Убью их, гадов! И тещу заодно...

– Точно, прав ты: все зло от бабла и баб. Меня мой папашка постоянно баблом шантажирует. Будешь плохо учиться – машину отберу, квартиру отберу, денег не дам. У, сволочь, запихнул меня в этот сраный МГИМО, а мне фиолетово... Не нравится мне там, я математику и физику люблю, астрономом быть хотел... Лучше звезды считать, чем деньги. Нет, учи этот долбаный арабский, сынок, учись ужом на сковородке вертеться, а то денег не получишь. Задолбал, мне даже грохнуть его иногда хочется. Всех грохнуть хочется – и его, и девушку... Прав ты, мужик, дерьмо жизнь...

– Точно-точно. Точно, жизнь – дерьмо, правильно...

Больше часа мои новые братья изливали друг другу душу. А я молчал. Мне было очень жалко их обоих. И себя. Я молчал и думал: почему все вокруг такие несчастные и злые от этого? И несчастные, потому что злые, и злые – потому что несчастные... Замкнутый круг получается. А как разорвать его – я не знаю. И никто не знает... Чудо сегодня случилось, порвался проклятый кружок на мгновение, и мы все трое протиснулись в образовавшуюся щель. А могли бы и поубивать друг друга... Легко.

Но чудеса не могут длиться долго. Не из чудес состоит жизнь, а из дерьма, как верно заметили мои случайные братья. И зарастает маленькая щелка в цепочке, и замыкается круг снова. На моих глазах замыкается.

– А давай поедem к этому дизайнеру твоей телки и грохнем его?

– Здорово! А потом сразу к теще твоей заглянем – покажем ей, где раки зимуют.

– Забились?

– Забились!

Никуда они не поедут. Пьяный базар просто. Сомкнулся круг, растворилось чудо в уже прохладной, сентябрьской ночи, и я снова остался наедине с самим собой. Им хорошо, они хоть пожаловаться друг другу могут. А мне кому жаловаться? Самому себе? Бесполезно. Безжалостный я. Так, по крайней мере, говорит моя жена. И я с ней, в принципе, согласен. Безжалостный, потому что понимаю много. Эх, многие знания – многие печали. Эх...

Когда через полчаса гопник и мажор пришли к выводу, что все проблемы – в общем-то херня, потому что Крым – наш, Путин – крутой и мы еще покажем кузькину мать Америке, я решил, что мне пора уходить. Не хотелось портить впечатление от чудесно сложившегося вечера. Я не знал почему, но вечер мне казался чудесным. Может быть, самым лучшим за последнее время. Несмотря на вновь замкнувшийся круг и грусть, охватившую меня под конец. Все равно, что-то очень хорошее произошло в моей жизни. Я это чувствовал, я это знал...

Новые друзья не сильно огорчились моему уходу. Слишком были увлечены друг другом. Надо же, гопник и мажор – кто бы мог подумать?

Почти незамеченным я вышел из машины и с настроением вроде «мне грустно и легко, печаль моя светла» пошел домой. Идти было недалеко. Я даже расстроился, что недалеко. Хотелось подольше сохранить в себе необычное и редкое для меня хорошее чувство. Я точно знал, что, как только перешагну порог своего дома, все хорошее сразу закончится.

Явление природы

– ...Ты катишься по наклонной плоскости, бухаешь, не работаешь, спишь до одиннадцати, не занимаешься ребенком... Сегодня тебе разбили рожу, а завтра – вообще убьют или сам кого-нибудь убьешь... Бесплезно, все бесплезно, буду молчать, видеть тебя не могу, ты мне противен, молчать буду...

Я сижу на кухне и пью по инерции виски. По инерции, как чай. Степень моего отчаяния пересеклась со степенью моего опьянения. Степени возвели друг друга в степень и превратились в дурную бесконечность. Мне тупо плохо. Именно тупо: в голове звон, мыслей нет, лопнувшая губа распухла и сильно болит. Как же все тупо и плохо! А тут еще она... Целый час она говорит, что будет молчать. Предупреждает, пугает: буду молчать – говорит. И не молчит. Целый час. Здравствуй, дом родной, сучал по мне небось, ад, заботливо мною выращенный?

– ...Катишься, катишься, тебе немного осталось, скоро в окончательное быдло превратишься. Нет, бесплезно, буду молчать... А еще...

О господи, и она о быдле сегодня. Сколько можно? Хватит надо мной издеваться, это уже не смешно. Пожалела бы: губа болит сильно, раздувается прямо на глазах, а она даже спиртом не прижгла. Приходится самому. Сижу прижигаю, пью виски, как чай, и прижигаю. Я прижигаю, а она жжет.

– Ты мне скажешь, что два романа написал, забрался на вершину духа... Да кому они нужны, твои романы? Они даже тебе не нужны. Ты себя прежде всего разрушаешь и все вокруг. Все копаешься, копаешься в себе. Задолбал ты меня своими раскопками. Думаешь, поднимаешься куда-то? Нет, катишься... Катишься по наклонной плоскости, деградируешь. Чего ты не отвечаешь? Ниже твоего достоинства – ответить мне? Как же – тупая, приземленная баба, а мы – в высотах небесных парим. Нет, бесплезно... Молчать буду...

«Катится, катится голубой вагон...», – вспоминаю припев детской песенки. Интересно, а куда он катится? Тоже вниз, как и я, или в горку? Наверное, по наклонной. Все сущее на земле сползает по наклонной, в небытие. Бизнесы, люди, вагоны и наша с женою любовь. Наша любовь... Как мы докатились с ней до этого бесконечного дурного разговора на кухне? Не знаю... Надо попробовать разобраться.

Я закрываю глаза и пробую. Не получается. В голове лишь одни ее по кругу повторяющиеся слова:

– Катишься, деградируешь... Алкоголик, ничтожество распухшее – видеть тебя не могу... Убить тебя хочется – вот взять молоток и размозжить голову! Или себе размозжить, лишь бы тебя не видеть. Противен ты мне! Я только из-за детей с тобой. Нет, бесплезно, зачем я это говорю? Бесплезно, буду молчать...

О, молоток – это что-то новенькое! Любимая, нам осталось полшага до криминальной бытовухи, всего полшага, а потом – броские заголовки в желтой прессе: «Жена раскроила череп пьяному мужу-бизнесмену» или «Муж-писатель в состоянии алкогольного опьянения выбросил жену из окна». Вот до чего, любимая, мы с тобой докатились по нашей наклонной... Поэтому заткнись, дорогая. Очень прошу...

– Заткнись, дорогая, очень прошу... – я сам не замечаю, как произношу последние слова вслух. Ох, лучше бы я этого не делал.

– «Заткнись»? это ты мне говоришь «заткнись»? – радостно, получив давно ожидаемую обратную связь, возбуждается жена. – Да я всю жизнь молчала, с самого первого дня, когда замуж за тебя вышла. Сначала я молчала, когда ты разогнал всех моих подружек, потом – когда

запер меня с ребенком и запретил ходить в институт, потом – когда ты первый раз нахамил моей маме, потом...

Дальше идет длинный перечень обид, нанесенных мною за нашу более чем двадцатилетнюю совместную жизнь. Никто не забыт, ничто не забыто... Душа моей супруги в последние годы напоминает мне огромный желудок, из-за тяжелой болезни потерявший всякую связь с кишечником. Вот в него попадает пища, переваривается, стремится его покинуть, а выхода нет... Желудок раздувается, в него поступает новая порция пищи, опять переваривается и никуда не уходит. Желудок достигает невероятных размеров, причиняет своей хозяйке невыносимые страдания и, наконец, лопается.

Ошметками накопившегося дерьма засыпает в основном меня. Но и нашему семилетнему сыну Славке иногда достается. Это самое ужасное. Мы-то – черт с нами, но вот Славка...

Со временем я научился предугадывать момент взрыва. Несколько дней до часа X жена ходит раздраженная. Любой пустяк может вывести ее из равновесия. А я специально часто ее провоцирую, когда сын находится подальше от потенциального эпицентра разрушений. Наверное, я смог бы работать сапером. А чего – дело нехитрое, хоть и нервное... После взрыва на несколько недель наступает успокоение, но потом необъяснимым образом всё выплеснувшееся дерьмо вновь оказывается на своем месте, в безвыходном желудке, в который превратилась душа моей любимой. Как ни горько думать, возможно, это я – тот злой волшебник, заколдовавший ее душу. А может, просто это жизнь такая? Надо разобраться.

Половина третьего ночи... Славка сейчас спит в дальнем закоулке нашей немаленькой квартиры. Значит, можно. Теперь это еще на час. Текст сменился – я его знаю наизусть. Но он хотя бы намного разнообразней унылого «катишься, деградируешь, бухаешь, буду молчать...» и намного длиннее.

Я закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться. Я бы и уши заткнул, но нельзя. Это может спровоцировать вторичную детонацию. Я опытный сапер, я знаю. А еще я знаю, что мастерски исполняемая песнь об обидах настроит меня на нужный лад. Это же не песнь, это – почти медитация.

– ...А еще ты мне свернул шею и вывихнул позвонки. Якобы страсть у тебя такая, и смеялся потом – смешно ему, видите ли, было. А когда ребенок с температурой сорок лежал с кишечным гриппом, ты уехал на охоту и даже не позвонил – плевать тебе на всех! Меня с сепсисом от прыща, больную всю, потащил на день рождения мамочки за 120 километров, на эту чертову вашу дачу, в этом чертовом вашем Завидово. Я чуть не сдохла там. А еще...

Ее причитания, произносимые на одной, хотя и очень высокой ноте, сливаются у меня в ушах, и в мозг поступает равномерный, похожий на дельфиний, писк. Он помогает абстрагироваться от неприятной действительности, мне наконец удастся сосредоточиться, и я вспоминаю.

* * *

Мы познакомились в институте – точнее, я его уже окончил и забежал в деканат за какими-то официальными бумажками. И увидел ее. Чем-то она меня зацепила. Я не сразу понял чем. Ну, красивая, да. Фигурка такая ладная, в глазках чертики прыгают. Да мало ли их тогда было вокруг – ладненьких, с чертиками, а зацепила она.

Узнав у знакомых деканатских девчонок, кто такая, я, казалось, легко выбросил ненужное знание из головы. Через неделю я понял, что все не так легко, как казалось. Вспоминал я мимолетно встреченную девушку, и чем дальше – тем больше. Не выдержал, удивляясь самому себе: через оставшихся в институте знакомых навел справки, изучил биографию. Студентка второго курса Аня Ванина, восходящая звезда институтской команды КВН. Она восходящая, а я – зашедшая за линию горизонта. Я, собственно, эту команду и создал – был ее капитаном, сценаристом и режиссером. Мы даже стали чемпионами Москвы, на этом все успехи и

закончились. Для того чтобы «попасть в телевизор», кроме денег, была необходима известная степень гибкости, которой я тогда не обладал. А мои товарищи по команде обладали. Посчитав недопустимым для себя требуемый угол прогиба, я обиделся и на четвертом курсе ушел из команды. Но локальную, в пределах института, славу сохранил. Мои бедные коллеги по КВН «в телевизор» так и не попали, зато гнутья научились хорошо. Одна даже ведет многочасовое политическое шоу на крупном федеральном канале. Да чего там говорить: КВН – это, безусловно, школа жизни, только каждый из нее извлекает свои уроки. А некоторые, как я, например, еще и жен извлекают. Seriously, информация о том, что Аня играет в КВН, многое объясняла. Стало понятно, почему я на нее запал и откуда в ее глазах веселые, но не шлющечного происхождения чертики. Мой типаж. Девки из КВН – это вам не шалавы, готовые за подаренный «Сникерс» на все. В начале девяностых участие в КВН гарантировало в особи женского пола как минимум наличие зачатков духовности. Духовности – не больше и не меньше. Если не таскается по кабакам в надежде найти относительно приличного бандита или жулика, если не продается за шоколадку и поход на модную дискотеку, если вместо этого часами хохмит в актовом зале института с такими же, как она, нищими студентами – значит, уже духовная. Или дура. Меня устраивали оба варианта.

Но с Анькой я попал в яблочко, в свой недостижимый почти идеал, в красивую, честную, высокодуховную дуру. Это я понял значительно позже. А тогда, пользуясь сохранившимися связями с проректором по внеучебной работе, устроил так, чтобы Аньку попросили выступить со мной на выпускном вечере в подшефной институту школе. Так мы ненавязчиво и познакомились.

При близком общении Анька очаровала меня еще сильнее. Человека в ней было много, а бабы – мало. Придурочного, конечно, человека, даже в чем-то безумного, но тогда казалось, что так даже интересней. Возможно, я извращенец, но меня в отличие от большинства моих друзей никогда не интересовали женщины-женщины, какой бы красотой они ни обладали. Слишком понятны они для меня, скучны и предсказуемы. Мой проверенный годами типаж – женщины-люди. К сожалению, людей без живущих в них тараканов я не встречал. Женщины-женщины просты как две копейки. На управляющей ими приборной панели всего несколько кнопок: жадность, эгоизм, похоть, иногда сентиментальность. Жми педали, пока не дали, и дают, как правило, с вероятностью, близкой к ста процентам.

Женщины-люди – другое дело. С ними не соскучишься, и с их тараканами тоже... Кстати, сейчас я склоняюсь к мысли, что лучшие жены получаются как раз из женщин-женщин. По крайней мере, с ними гораздо комфортнее жить. Пока ты сильный, здоровый и богатый, конечно. Зато с женщинами-людьми для того, чтобы быть сильным, здоровым и богатым, нужно иметь двойной запас силы и здоровья. В общем, у всех есть свои плюсы. Это я сейчас так думаю. Но в двадцать три года я так не думал. Я просто запал на красивую, честную, сумасшедшую, высокодуховную дурочку Аньку и начал готовить план осады. Не то чтобы полюбил, такое слово мне тогда в голову не приходило, но встретить красивую, приятную уму и сердцу девушку, еще и не шлюху при этом, и пропустить мимо?... Нет, это было не в моих правилах.

В успехе я не сомневался. Во-первых, если я по-настоящему чего-то хочу, я всегда это получаю. Во-вторых, я знаменитый капитан и отец-основатель институтской команды КВН. Да обо мне легенды ходили, сам ректор меня умолял не покидать команду, сулил стажировку в Америке и кандидатскую диссертацию после. Бывшие партнеры по команде тоже наверняка ей расскажут о моей гордости, эксцентричности, талантливости и вредности. Это создаст необходимые мне статус и ореол тайны. Ни одна высокодуховная красотка не устоит против такого коктейля! В-третьих, у меня были деньги – немного, но были. Во время учебы в институте я постоянно разрывался между различного рода спекуляциями, КВН и высокой литературой, а точнее – поэзией. На собственно учебу времени обычно не хватало.

К моменту встречи с Анькой побеждала литература. Примерно за полгода до знакомства с ней мне удалось провернуть крупную, по моим масштабам, аферу на Российской товарно-сырьевой бирже, где я подрабатывал брокером. Через десяток посредников и обменных товарно-сырьевых (в полном соответствии с названием биржи) операций получилось загнать дагестанцам эшелон с болгарским бренди «Слынчев Бряг». Моя доля составляла вагон. Вагон бренди! Гадость, конечно, страшная, но по тем временам – актив, сродни небольшому свечному заводу. Периодически я продавал несколько коробок мелким оптовикам, на что и весьма неплохо жил. Мне казалось, вагон не закончится никогда. На всю жизнь, казалось, заработал. Я даже съехал от родителей и снял трехкомнатную квартиру на Новослободской, недалеко от Бутырской тюрьмы. В двух комнатах хранилось бренди, в третьей жил я сам и писал стихи в огромные клеенчатые тетради в клетку. До сих пор они у меня валяются на антресолях. Недавно я их перечитывал – хорошие, кстати, стихи. Даже не верится, что я написал. В общем, отлично тогда я жил. Иногда мог позволить себе пригласить девушку в средней дороговизны кабаке. Подумывал купить подержанную вишневую «девятку». По меркам начала девяностых, не богат, но человек весьма состоятельный. Ну и наконец, я был умный, а она – нет, что тоже давало мне некоторую фору. По совокупности диспозиции я планировал завалить Аньку на втором, максимум – третьем свидании.

План мой был незамысловат. Первые несколько встреч – обсуждение и репетиция нашего выступления в подшефной школе. Непринужденное общение, блеск моего остроумия, лавина обаяния... Но грань переходить пока не будем, на дистанции подержимся немного, чтобы разжечь аппетит. Потом, в день выступления, как бы между прочим – приглашение в ресторан и, если повезет, – постель. Если не повезет – второй поход в ресторан, и тогда уж точно – постель.

Сначала все шло, как я задумал, даже немного лучше. Присущая мне изворотливость подсказала тему номера для выпускного. Времена были голодные, беспредельные, а также развратные, поэтому миниатюра называлась «Еда по телефону». Анька выступала в роли истекающей влагой свежайшей осетринки очень горячего копчения. Эротично вздыхая, она умоляла озабоченного клиента ее съесть:

– Да, да, ешь меня! Твои острые зубки впиваются в мою нежную плоть, брызжет слюна, я проваливаюсь в твой мускулистый желудок... О боже, как хорошо! Меня омывают твои сладкие соки. Я... я перевариваюсь... Господи, я перевариваюсь... О! О!!! О!!!!!!!

Озабоченным клиентом был, естественно, я. Сочиняя миниатюру, я думал не об успехе у будущих зрителей, а о потенциально возникающем сексуальном напряжении исполнителей главных ролей. И я не ошибся, в финале номера, в самый разгар якобы гастрономического оргазма, мне пришлось даже повернуться спиной к залу. Да и Анька стонала весьма натурально. При этом никаких фривольностей, никаких прикосновений и намеков на будущие отношения. Номер «Еда по телефону», мы просто актеры, играем роли – и все! По моей задумке, изначально заложенная в ситуацию двусмысленность должна была только усилить наш взаимный интерес. Мой, по крайней мере, усилила. Выходя из шумно гуляющей выпускной вечер школы, я не сомневался в скорой победе и небрежно пригласил Аньку разделить со мной ужин.

– Ой, – фальшиво сказала она, – а я не могу сегодня. У меня в моей школе тоже выпускной, я обещала девчонкам быть там.

Какие, к черту, девчонки? А сексуальное напряжение, возникшее только что между нами? А ресторан? А я, в конце концов, со всеми своими хитрыми планами? Она чего – совсем ничего не понимает?

Расстройства своего я, конечно, не показал, но удивлен и обижен был сильно. Ничего не поделаешь, пришлось отступить...

– Ну ладно, иди к своим девчонкам, – равнодушно сказал я и напоследок кинул гранату, начиненную подлостью и обманом: – Хорошая ты актриса, Аня, талант у тебя. Я знаю пару ребят, которые снимают рекламу... Ты звони, если что...

Про рекламу было полное и унижительное для меня самого вранье. Все равно что обещать девушке жениться для того, чтобы уложить ее в койку. До встречи с Анькой я себе такого не позволял и по дороге домой мучился угрызениями совести. Самоуважение мое пошатнулось. И из-за кого? Из-за какой-то глупой девчонки с веселыми чертиками в красивых глазках. «Ну и дура, – решил я, подходя к дому. – Да пошла она, всё, забыли!»

В последующие недели несколько раз у меня возникало желание ей позвонить, но я беспоощдно его давил. Так бы и закончился, не начавшись, наш роман, если бы через четыре месяца, глубокой уже осенью, она мне не позвонила сама.

* * *

Только прожив с Анькой много лет в браке, я узнал, в чем заключалась причина затянувшейся паузы. Узнал – громко сказано. Вытянул обрывки полупризнаний, сопоставил факты, домыслил, отчасти нафантазировал. У нее был парень. Первый. Кто-то из школы или со двора. Ничего особенного, просто кто-то, кто не побоялся подкатить к странной и смешной девчонке. К ней ведь можно было подкатить только исходя из двух противоположных посылов – или по большой простоте, или по большой сложности. Ее первый парень оказался из простых. А чего, нормальная тёлка, сиськи-письки на месте, а то, что пищит там чего-то, шокирует окружающих... да какая разница, чего она там пищит? Не все у нее гладко получалось с парнем, и рада бы она была от него избавиться, не ее вариант, сама чувствовала, но... Не поверила. Не мне, себе не поверила, а точнее, в себя. Перестарался я с созданием образа крутого и загадочного супергероя. Да разве может такой к ней, простой девушке, да еще и глупышке (она сама про себя всегда четко знала, что глупышка), отнестись серьезно? Поматросит и бросит. Уж лучше синица в руке. Примерно вот так она, скорее всего, думала. Хотя нет, само понятие думать, так же, как термины «глупая» или «умная», к ней не подходит. Ее логику невозможно понять в моменте, только постфактум. Чем она мыслит, для меня до сих пор загадка. Не головой точно, и не образами, и не словами, и не... я не знаю чем. Но в многих случаях оказывается права. Ее любимая поговорка – «дура, дура, а свой банан имею». И правда имеет, вопреки всему, казалось бы... Хотя в последнее время она утверждает, что поумнела. Действительно, в ее рассуждениях появились проблески логики. Любо-дорого смотреть, вроде радоваться надо, но я не радуюсь. Дело в том, что как только Анька начала думать в общечеловеческом смысле этого слова, так сразу и оказалась неправа. Ошибаться стала сразу и методично разрушать все, что столько лет растила на фундаменте своей наивной тупости.

Впрочем, в 23 года столь тонкие психологические нюансы меня совершенно не интересовали, я жил своей обычной жизнью, писал стихи в толстые клеенчатые тетради, продавал коробки с бренди «Слынчев Бряг», у меня даже имелась постоянная девушка и несколько непостоянных. В общем, я был счастлив. Только иногда, в основном по ночам, я с удивлением наблюдал, как моя рука вроде бы независимо от меня тянется к телефону и набирает ее номер. Ни разу до конца не набрала, потому что, как пела группа «Ария», «воля и разум сильнее всяких войн», особенно если считаешь себя мужчиной. Я считал и к поползновениям руки относился как к забавному аттракциону. «Ну надо же, – думал, – и такое бывает. А с чего, собственно?» И продолжал жить дальше. Пока мне не позвонила она. Абсурд, рок и железная необратимость ворвались в мою жизнь с тем звонком. Не слова Анькины раздавались из трубки, а завывания ветра судьбы.

– Привет, – быстро сказала она, – а я сегодня ужинала с Абдуловым.

Четыре месяца не объявлялась, а теперь звонит, чтобы сообщить, что она с Абдуловым ужинала. И как на это реагировать? Пока я думал над этим вопросом, Анька, не дожидаясь моей реакции, продолжила:

– Там еще Ярмольник был, Макаревич и вообще все ленкомовские!

– Ярмольник с Макаревичем ленкомовские? – от растерянности спросил я.

– Ну да, – уверенно ответила Анька, – это же в Ленкоме было, в подвале, там ресторан, «ТРАМ» называется, Збруеву принадлежит. Он тоже заходил.

Следующие полчаса я слушал ее полную противоречий хаотичную речь. Смысл в ней угадывался с трудом. До сих пор сомневаюсь, что он там вообще был, зато там был сверхсмысл, ставший мне понятным несколько позже. Если коротко, в богемную тусовку ее ввел некий богатый старик тридцати пяти лет от роду, передвигающийся на машине марки «Мерседес» двести, триста, пятьсот или восемьсот, а может, и тысяча, она точно не помнила. Старик противный, лысый и совсем ей не нравится, но уж больно хотелось посмотреть на любимых артистов. А они прикольные ребята оказались, веселые, только Макара какой-то грустный, а так веселые. А еще она, собственно, вот почему звонит. Абдулов сказал, что у нее востребованный типаж Догилевой и прослеживаются явные актерские способности. Да и я сам когда-то ей это говорил. Два мнения уже не случайность, поэтому не мог бы я ее подготовить к поступлению в театральный институт? Почему я? Да потому что я ставил программы КВН, почти что режиссер. И что там насчет рекламы, кстати? Я упоминал, что есть знакомые, при нашей последней встрече. Раз у нее способности, можно и сняться. Нет, нужно сняться.

«Что это было, – думал я, слушая ее джазовое щебетание, – что это, она сидит в окружении великих артистов и просит меня (меня!) подготовить ее к поступлению в театральный институт? И протекции у меня просит для какой-то рекламы. Абсурд. Четыре месяца не объявлялась, я уже замучился наблюдать, как моя рука тянется к телефону. А теперь просит. Что случилось, она что, меня хочет, а с какой стати?» Долгожданный, как я неожиданно понял в процессе разговора, звонок поставил меня в тупик. Я злился на себя, на нее, я ничего не понимал и из-за этого решил действовать по-хамски прямолинейно:

– Ну, чего, – сказал развязно, – помогу, если нужно. Приходи завтра вечером ко мне домой на пробы.

– Охренел? – без паузы спросила Анька. – Ты за кого меня принимаешь?

За кого я ее принимал?... Сложный вопрос, я тогда первый раз на него себе ответил. Неуверенно ответил, но с годами только убеждался в правильности догадки. За кого я ее принимал... За явление природы, наверно. Вроде урагана, или цунами, или северного сияния, или Гольфстрима, или тунгусского метеорита, дождя, солнца, снега, града... За природу я ее принимал, мать нашу – или вашу, от ситуации зависело сильно. Природа безумна, но интуитивно права, а я прав, но интуитивно безумен. Потому что даже попытка проанализировать природу – явный признак сумасшествия. Она сама кого хочешь проанализирует и скрутит в бараний рог.

– Не охренел, а пошутил, – недолго поразмыслив на околофилософские темы, ответил я Аньке, – но поговорить все-таки надо, давай завтра поужинаем? У меня тут недалеко хороший грузинский ресторанчик открылся. Пойдем?

– Нет, – решительно, по-революционному отрубил она, – мы пойдем другим путем. Мы пойдем в зоопарк!

– Почему в зоопарк? – обалдел я.

– А потому, что ты животное. Там тебе самое место.

* * *

Удивительно, но на следующий день мы действительно пошли в зоопарк. Я попробовал было обидеться на «животное», но Анька начала плести какую-то настолько милую и несусвет-

ную чушь, что обижаться на нее стало совершенно невозможно. А еще она меня всю нашу последующую жизнь уверяла, что совершенно искренне позвонила мне под впечатлением от необычного ужина в Ленкоме. Действительно захотела вдруг стать артисткой и надеялась на мою помощь. Никаких задних мыслей, никакого подтекста. Просто на помощь надеялась. Я ей верю, явления природы не врут и хитрить не умеют. Конечно, никаких задних мыслей, у нее и передних-то не бывает, вообще никаких... Только почему-то получилось так, что я в нее влюбился, женился, и родили мы с ней детей. И мне кажется, что она этого хотела. Не осознавала, не думала, а хотела. Хотела еще тогда, во время нашего сюрреалистического телефонного разговора. А что я мог сделать? Против хотелок природы не поспрешь.

Теперь она не хочет. Второй час уныло, подзаводя саму себя, перечисляет нанесенные ей обиды. Желает молотком разmozжить мне голову.

— ... Ты запер меня в доме: уборка, готовка, дети, тебя ублажать постоянно... Стоит у тебя все время от безделья! Другие работают, а у тебя стоит. Душно мне с тобой. И ты жрешь, ты постоянно жрешь! Первое, второе, третье... И чтобы два дня подряд не повторялось. Душно... А еще ты — жадный, ты жадный, слышишь? Денег в обрез даешь, а потом спрашиваешь, где они. Я боюсь тебя! Ненавижу и боюсь. Мне надоело, я не могу больше так. Давай будем жить как чужие люди, давай, а? Нет, правда, делай чего хочешь, только меня не трогай. Все будет по-прежнему: я буду стирать, убирать... Только не трогай меня, ради бога! Отстань, уйди, исчезни, найди себе бабу — я не против. Найди себе бабу! Только отстань. Ты слышишь: бабу себе найди, а от меня отстань!

В знакомой песне появились новые нотки — про «найди себе бабу» она раньше не говорила. Как быстро мы продвигаемся по нашей наклонной. Молоток, бабу... Что дальше? Я не могу больше вспоминать, я думаю над ее словами. Логика в них, как всегда, нет. Ее раздражают самые обыкновенные вещи: готовить, стирать, убирать, ухаживать за детьми. Жизнь ее раздражает, я ее раздражаю. Как там писал Бродский? «Она попрекает меня моим аппетитом». Попрекает. Трудно ей живется, приходится готовить. Пару лет назад она разогнала всех уборщиц и нянь, потому что они ее тоже раздражали. С тех пор еще труднее стало. А ведь у нее все есть. Вообще все, что она пожелает. Три месяца в году Анька проводит на лучших мировых курортах. Объездила со мной всю планету. Ах да, забыл, это же все не для себя, а для детей. Ну, или для меня, в крайнем случае. Самой-то ей давно ничего не нужно. Она, между прочим, летать боится сильно. Не врет, я думаю, честна и искренна, как обычно. Как природа. Ничего ей не нужно — нужно только, чтобы я исчез. Со мной и злато с жемчугами не в радость, а без меня... А что будет с ней и с нашими детьми без меня — она не думает... Поэтому приходится думать мне. Кто-то из двоих должен же думать?

Мне очень обидно. Ее слова наконец меня достали. И знаю, что все это чушь ее обычная, а все равно обидно. Может, потому, что я все еще ее люблю? Может быть, может быть... А может, и нет. Не уверен я ни в чем...

Пытаюсь анализировать ее упреки. Бесполезно. С одной стороны, переживает из-за моего мнимого алкоголизма, а с другой — «найди себе бабу». Нет, бесполезно. Ясно только, что я ее дико раздражаю, да и она меня, если честно. Как же так? Как же это получилось? Когда началось? Ведь было же все по-другому. Ведь был же зоопарк и рука, тянущаяся к телефону... Я точно помню: это было. Точно-точно...

Я снова закрываю глаза и вспоминаю наше первое полноценное свидание.

* * *

Унылое зрелище — зоопарк в ноябре. Зверям холодно, они мелко дрожат, и кажется, что про себя ругаются матом. Клянут, наверное, судьбу, занесшую их в эту неласковую серую страну. Народу почти нет. Странное ощущение: как будто не мы пришли посмотреть на зве-

рушек, а они смотрят на нас. Осуждают. И я осуждаю Аньку. Зачем она нас сюда притащила? Пьяная, что ли, вчера была? Холод и неловкость, и чувство необычное такое, что все не так, не то... Надо говорить какие-то главные слова, а они не находятся. Неловкость. Как встретились, так сразу и началось. Я поздоровался с ней по-дурачки, за руку, как с мужиком. Целоваться вроде рановато, даже в щечку, поэтому за руку. Пошел купил билеты. «Сколько стоит?» – спросила меня она. Я на автомате ответил – какая-то смешная сумма, меньше цены поездки на метро. Она вернула мне деньги. Я не хотел, отталкивал, а она ловко засунула мне мятую купюру в карман плаща и заявила, что уйдет, если я не возьму. Сумасшедшая, реально прибабахнутая на всю голову. И еще зоопарк этот ноябрьский... Я нервничаю как мальчишка и думаю, взять ли ее за ручку. Я, у которого одна постоянная девушка и несколько непостоянных! Нервничаю. Она тоже не в своей тарелке. Идет рядом, в основном молчит, что для нее нехарактерно. Я набираюсь смелости и беру ее ладошку в свою. Ледяная ручка ошпаривает холодом, будто снежок взял. И маленькая такая, как у ребенка. Анька доверчиво смотрит мне в глаза и устраивает свои крохотные пальчики в моей ладони поудобнее. Ох ты, боже мой: мушкетер пропустил укол в сердце! Дыхание у меня перехватывает. Я отворачиваюсь от нее, чтобы не расплакаться от нежности. И любви. Влюбился, похоже. Вот оно, оказывается, как бывает. Просто снежок в ладони в виде маленькой девичьей ручки и доверчивый детский взгляд. И все. Просто, очень просто...

Я отворачиваюсь и вижу огромного мерзнувшего слона в клетке. Он смотрит на нас. мудро и печально. Как будто знает что-то или догадывается. Мы идем дальше, я молча пытаюсь пережить обрушившееся на меня ощущение, общаюсь преимущественно междометиями.

– Смотри, какая обезьянка.

– М-м-м-м...

– Холодно им...

– Да...

– Черт, как холодно...

– Ух...

– Эх, лето бы...

– Эх...

Нежность, неловкость, невозможность выразиться словами, холод, ее ледяная ручка, мятая купюра в кармане плаща, мерзнувшие звери, глядящие на нас сквозь решетки, серое небо, мокрый снег на последних неопавших листьях и сердце – бух, бух, бух, бух... Как колокол раскачивается внутри тела, еще чуть-чуть, и ребра переломает.

Неприятное чувство, оказывается, любовь. Без нее куда как лучше. Только как я жил всю жизнь без нее? И без Аньки. Надо что-то делать, как-то сблизиться с ней, но я не могу. Я стал очень тупой, самые простые предложения даются мне с трудом. Даже в ресторан не могу ее пригласить – а вдруг обидится?

Часа полтора мы гуляем среди опечаленной осенними холодами фауны, замерзаем вконец и идем к метро «Баррикадная». Я хочу ее проводить, но почему-то не говорю ей об этом – просто плетусь за ней в вагон, следующий до конечной станции «Планерная». Она живет там, я знаю. Тушинская она девчонка. Тушинская... Все, тушите свет, я влюбился. Первый раз в жизни...

– Так что насчет подготовки в театральный? – спрашивает она уже на платформе.

– Конечно, конечно, – бормочу я, – сделаю все, что смогу.

– Отлично! Спасибо тебе. Не надо меня провожать – я сама.

– А когда?.. – Отчаяние придает мне сил, и я пытаюсь узнать у нее, когда мы увидимся. Силы покидают меня на середине вопроса, но она понимает. Она так меня понимает, никто меня так не понимал. Ни разу в жизни.

– Завтра, – говорит Аня, улыбаясь, – завтра увидимся. Ты же живешь один? Вот завтра и начнем подготовку. Приеду к тебе на пробы, как ты и хотел. Или передумал?

Аллилуйя! Есть бог на свете, она это сказала, мне не послышалось, она сказала это! И лукавые чертики из ее глаз прыгнули на мое покрасневшее от шока и счастья лицо. И облизывают его, щечкуют, ласкают... Я хочу ей сказать что-то, поблагодарить, пасть на колени, облизать ступни. Но она не дает мне такой возможности, вскакивает в подъехавший вагон, машет мне весело рукой и уносится в свое Тушино.

Любила ли она меня тогда? Сомневаюсь... После говорила, что всего лишь хотела подготовиться к экзаменам в театральный, без всякой задней мысли, как всегда. А я подло воспользовался...

Ну, вот это уж совсем наглое вранье, все она понимала. Но не любила, я думаю. Просто природа сделала одну из своих бесчисленных попыток – решила метнуться и в эту сторону. А почему бы и нет? Парень вроде симпатичный, неглупый...

Любил ли я ее? Тоже не факт. Во всяком случае, все следующие сутки после нашего расставания я старался убедить себя, что не люблю. Показалось, пригрезилось. Я представлял Аньку в наипохабнейших позах, предвкушал грядущие сексуальные радости: как я ее и так, и сяк... В принципе, меня можно понять. А иначе как пережить эти бесконечные сутки, как с ума не сойти от любви, нежности и неизвестности? У меня почти получилось: сияющий образ прекрасной дамы, мелькнувший в московском зоопарке, немного посопротивлявшись, низвергнулся до обычного изображения симпатичной телки. Волнительно, конечно, с новой красоткой в первый раз, но это приятное волнение. Возбуждающее. Только вот почему за полчаса до ее прихода я заменил новенькие нарядные джинсы «Левис 501» на растянутые и рваные на коленках треники? *Что*, а главное *кому* я хотел доказать? Себе хотел, себя уговаривал... «Нет, нет, не люблю! Она – просто еще одна телка в моей коллекции. Вот видите, я даже штаны нормальные ради нее одеть не удосужился. Видите, видите?!» Хорошее доказательство, убедительное. Но дело в том, что сама попытка такого доказательства опровергает его истинность напрочь.

* * *

То, что произошло на следующий день, достойно сцены в фильме Квентина Тарантино. Смешно, нелепо, трогательно, бредово и очень, очень волнительно. Она подготовилась, пересекла порог моей съемной квартиры, на две трети состоящей из коробок с бренди «Слычнев Бряг», во всеоружии. Что-то такое кружевное на ней было, черное, с романтическим названием комби-дрес, как я узнал впоследствии. И раскрас настолько боевой, что в плен хотелось сдать немедленно. Уж чего-чего, а таких скрытых талантов в ней я не предполагал найти. И тут я стою в рваных трениках. Она покосилась на меня удивленно, но все-таки вошла. Вздохнула тяжело, как будто в омут глубокий бросаясь, и разъединилась на мгновение со своим ярким макияжем. Она – веселая, хорошая девочка – сама по себе, а образ отчаянной пэтэушницы в поисках приключений – сам по себе. Странное зрелище, щемящее, даже болезненное какое-то. А я в трениках рваных, она старалась, готовилась, а я в трениках... Что же я делаю? Это как ребенка обидеть, она же слабая, она же дурочка моя любимая! Кого я на место поставить собрался? В квартире бушевали энергетические вихри, мы стояли друг напротив друга, и что-то происходило. Ветер судьбы хлестал меня по щекам. Я вдруг понял, почему на самом деле надел эти проклятые треники. «Привыкай, – говорил я ими, – да, я вот такой, привыкай ко мне, нам жизнь вместе жить». Мне стало страшно, и ей, по-моему, тоже. Определялась жизнь... «Нет, нет, нет, нет, не может быть, показалось, пригрезилось». И у нее в глазах: «Нет, нет, нет, нет...» А сверху над нашим рефлекторным испуганным «нет» висело огромное и толкающее нас друг к другу – «да»! Вселенная нам сказала – да, и от громкости ее рыка задрожали бара-

банные перепонки, пересохло во рту, подскочило сердце и заметалось где-то в гортани. Нет, нет, нет, нет... ДА!!!!

На кухне стояла бутылка «Столичной» водки и немудреная закуска. Я подготовился. Мог бы лучше, конечно, коньяк или шампанское, но мне показалось, так правильнее, черт его знает, почему так показалось. Теперь я догадывался почему. Очень важно, чтобы все было по-простому, по-честному, встреча судьбы не терпит понтов и фальши. «Нет, нет, нет, нет, – говорил я себе, – стечение обстоятельств, лень выйти в магазин, придумал я все, нафантазировал...» Мы почти не разговаривали. Анька стянула сапоги на огромных каблучищах и стояла маленькая босиком на полу в черных колготках, ультракороткой мини-юбке и сексуальном просвечивающем комбидресе. В ее глазах спятившей рыбкой плескался страх. Стояла, дрожала, трогательная такая... Не предложив ей даже тапочек, я еле выдавил из себя:

– Там... – и указал пальцем на кухню, – там водка и закусить, и вообще... Пойдем.

Она чуть ли не бегом рванула. И я за нею. Очень хотелось выпить. После случившегося с нами в обшарпанном коридоре моей съемной квартиры очень хотелось выпить.

Пол-литра водки мы уговорили за 15 минут. Анька пила наравне со мной, никогда после я не видел, чтобы она пила так. От стресса, видимо. Говорили снова немного. За встречу – бах. За все хорошее – бах. За знакомство (почему за знакомство? Мы с ней давно познакомились. Неважно) – бах. Вообще без тоста – бах. Бах, бах, бах, бах, бах... Когда бутылка кончилась, Анька, расслабленно и стеснительно улыбнувшись, спросила: «А еще есть?» – и глупо хихикнула. Есть ли у меня еще? От нелепости подобного вопроса со мной чуть не случился припадок, я застонал, взял непонимающую Аньку за руку и потащил в одну из закрытых на ключ спален.

– Пойдем посмотрим, – сказал, подавив приступ смеха, – есть ли у меня еще.

Комната до потолка была уставлена коробками. Я открыл одну, и она увидела двенадцать бутылок легендарного «Слынчев Бряга».

– Немного есть, совсем чуть-чуть, и во второй спальне столько же...

Мы ржали до всхлипов и утробных рыданий, мы ползали по коробкам с болгарским бренди и не могли встать. Мы даже пытались целоваться, но так и не сумели, потому что невозможно, когда смех и истерика такая. А когда у нас не получалось, мы смеялись еще сильнее, потому что и это было смешно. Ситуация сама по себе безумная, есть от чего прийти в неистовство, но энергетические вихри, ветры судьбы, нервяк и ужас, овладевшие нами, ее только усугубляли. Напряжение так выходило. Никогда не забуду. Полчаса абсолютного, высшей пробы счастья – это реально немало... А потом мы взяли каждый по бутылке «Слынчев Бряга» и пошли в единственную не заставленную коробками комнату слушать «Металлику». Расслабились, окосели, лежали на диване, отхлебывали бренди и слушали. Хорошо-хорошо стало, спокойно-спокойно, даже сексом заниматься не хотелось. Нарушат, казалось, смешные и резкие движения нашу нирвану. Зачем вообще люди тыкаются друг в друга, раз и так хорошо? Сами себе кайф обламывают, дураки. Помнится, я даже высказал в перерыве между песнями эту мысль вслух, и Анька активно меня поддержала. Однако ближе к ночи мы все же не утерпели, изобразили что-то на диване под играющую по кругу «Металлику». Смутно помню, что пьяные были сильно. Так, формальность для закрепления нашего союза. Тем не менее нужно было, вот и сделали. А потом мы уснули на моем продавленном, рассчитанном на меня одного диванчике. Я пожертвовал ей в качестве ночнушки свою майку, обнял ее и мгновенно отрубился. Удивительно, я первый раз спал с женщиной, не в переносном, а в буквальном смысле этого слова. У меня до нее было много девушек, но я просто физически не мог терпеть присутствие постороннего человека во сне. Девки обижались, устраивали истерики, я лепетал что-то невразумительное в ответ, но все равно не мог. А тут... будто в одной постели с ней родился. Она не мешала совсем, наоборот – помогала. Я даже не понимал, как я раньше спал без нее... Холодно ведь, одиноко.

Под эти приятные мысли и уснул. Проснулся быстро – от толчка в бок и ее несчастного, виноватого шепота:

– Витя, прости меня, пожалуйста, мне плохо. Подвинься, не вставай, не вставай, я сама, я сейчас...

Она убежала в туалет, и оттуда послышались страшные, рычащие звуки. Со сна я подумал, что Анька злится – обидел я ее, наверное. Напоил, трахнул хорошую девочку, а теперь она протрезвела, и ей плохо... Влюбленные глупы и романтичны, самым простым физиологическим явлениям они придумывают возвышенные объяснения. Я это понял, когда окончательно проснулся и определил в рычащих звуках знакомые мне обертона последствий перепоя. «Ничего себе – первая ночь, – подумал. – Если мы с ней поженимся, эта история войдет в анналы семейных легенд, детям рассказывать буду, как мамка нажралась и блевала, когда с папкой впервые...» Именно в этот момент, под аккомпанемент ее рыка и стонов, я решил жениться на Аньке. Не то чтобы решил, но вдруг допустил такую мысль. Чудно, трахнутая по пьяни подруга блюет в туалете, а я думаю о женитьбе и будущих детях. Сказал бы кто – не поверил: да не бывает такого. Бывает! Только так и бывает – у Господа своеобразное чувство юмора, особенно если учесть, что через двадцать лет подруге, родившей мне двоих детей, будет противно готовить для меня еду. И я ей буду противен. И все, что со мною связано... Божьи шутки очень медленно доходят до простых смертных. До меня вот только сейчас дошло, и то не до конца. Тогда же, глупый и влюбленный, я лежал на своем продавленном диванчике и умилялся непонятно чему. Но через некоторое время даже мне, влюбленному и глупому, стало понятно, что дело плохо. Звуки не прекращались, и я пошел в туалет. Анька, услышав мои шаги, сквозь рык и стоны трагически прохрипела: «Нет, нет, не заходи, не надо!» И я зашел.

Волна нежности накрыла меня с головой: Аня стояла на коленях, бессильно обнимая унитаза. Бледная, со слезами на глазах и потекшей тушью. Воробушек мой, нажралась от нервов и неловкости, а теперь страдает. Из-за меня, получается, страдает. Бедная, воробушек, солнышко... Остаток ночи прошел в моем умилении, ее причитаниях, суете и блевоте. Я поил ее кипяченой водой, вытирал лицо мокрым полотенцем, а она – в перерывах между спазмами – горько жаловалась на жизнь:

– Ну почему так? Я же не такая... Я же в первый раз, честное слово, и вот... Теперь ты меня бросишь... Брось, брось меня... Во всем бренди этот дурацкий виноват, водка была хорошая, а бренди... Уйди, не смотри, мне стыдно... Брось меня, уйди... Бренди виноват... Уйди...

Через какое-то время у несчастной Аньки не осталось сил произносить слова. Она только жалобно стонала и плакала. Я побежал в дежурную аптеку, купил активированного угля, еще каких-то лекарств и почти силком засунул их в нее.

Лекарства помогли, она немного ожила и суетливо засобиравшись домой. Порывалась ехать на метро, запрещала мне ее провожать, но как мог я ее отпустить одну – бледную, опухшую, несчастную? Поймал такси и, не слушая возражений, уселся рядом.

До «Планерной» домчались быстро, пробок в Москве тогда еще не было. Она старалась на меня не смотреть, всю дорогу лихорадочно пудрилась и красилась, чтобы мама ничего не заметила. По легенде, она готовилась к экзаменам у подруги.

Я наблюдал ее бессмысленные попытки замести следы прошедшей ночи и влюблялся еще больше. Даже если бы у нее вдруг на моих глазах выросли рога и хвост, я все равно бы влюбился. Процесс был необратим. Он вырос из всякой чепухи, из кавээновских шуток, мерзущего слона, мудро и печально глядящего на нас в зоопарке, дурацкого болгарского бренди «Слычнев Бряг» и даже из ее рвотных спазмов у меня в туалете. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда!» И любовь – оттуда же. И все мы.

За сто метров от дома она попросила остановить такси. Мама не должна видеть ее выходящей из машины.

– Ты прости меня, – сказала Анька тихо. – И не звони больше. Я не достойна... Стыдно очень... Забудь, не звони.

В ту минуту я впервые назвал ее дурой.

– Дура, – сказал. – Обнял и стал целовать ее опухшие от недосыпа и слез щеки. А она расплакалась. И все труды по приведению себя в порядок пошли насмарку.

На обратном пути я сделал последнюю попытку убедить себя, что ничего особенного не произошло. «Весело, конечно, было, – думал, покачиваясь в такси. – Забавно – обхохочешься, и вообще, она клевая мочалка, можно с ней и замутить на месяцок-другой. Только зачем я придаю этой глупой истории такое значение? Она же, в сущности, обыкновенная давалка – миллионы таких вокруг бегают. Дала на втором свидании по пьяни, без ухаживаний, без необходимых по протоколу цветочков и конфет. Ну, смешная – да. Переживает трогательно. Но это же не значит, что я должен в нее немедленно влюбиться?! Или значит?»

Входя в квартиру, я почти себя убедил: всё, пронесся ураган хаоса и безумия, выглянуло солнышко, я снова свободный, уверенный в себе и своем будущем молодой человек. У меня есть вагон болгарского бренди «Слычнев Бряг» и неограниченные перспективы впереди. Не одна Анька, а все девки будут моими. Рассеялся ночной морок, вот она, моя квартира, вот сотни коробок с бренди в запертых на ключ комнатах. Для того чтобы окончательно успокоиться, я даже открыл комнаты и насладился зрелищем придающих уверенность упаковок с алкоголем. И успокоился почти, зашел в гостиную, увидел диван со смятой, неубранной постелью. Сердечко как-то странно кольнуло. Я подошел к дивану, поднял с пола валяющуюся майку, повертел в руках, вспомнил, что именно эта майка еще недавно служила Аньке ночнушкой. Поднес ее к лицу, как бы стараясь рассмотреть, угадать в ней очертания Анькиного тела, и вдруг почувствовал ее запах. Понюхал, задержал дыхание, чуть не умер от любви, а потом зарылся в майку лицом и понял, что пропал навсегда.

Через четыре месяца мы с ней поженились.

Темная ночь

Я снова слышу дельфиний писк: он густеет, становится ниже, распадается на звуки и складывается в слова. Прощай, наивная молодость, здравствуйте, средние года – прослойка между детской глупостью и старческим маразмом. Только сейчас и можно разглядеть реальность во всех унижительных, но правдивых подробностях. Господи, скорей бы уже постареть, скорей бы закончились эти скандалы, понизился окончательно гормональный фон и начались болячки. Старики либо ноют о своих хворях, либо радуются жизни, когда хвори отпускают. Третьего им не дано. И хорошо. Даже воспоминания о прошедшей молодости их не сильно волнуют – некоторые предпочитают потерять память вообще. Правильно, оно так спокойнее. Память – штука коварная, сама по себе ничего не значит, работает катализатором, усилителем вкуса. Хорошо тебе – станет еще лучше, плохо – лучше не вспоминай. Правда, мои бабушка и дедушка были другими. Значит, можно... Можно и по-человечески жить: понимать друг друга, беречь, не гавкаться, как обозленные шавки, и не думать после бесконечными похмельными ночами, почему не получилась жизнь.

Муся и Славик – они любили меня бесконечно, а друг друга они любили так, что за всю свою жизнь я не встретил больше подобной любви. Фонтаны, водопады, океаны любви! Я подставлял водопадам и океанам свое детское тельце, я впитывал бархатную водичку любви и понимания, я пил ее и полоскал свою трепетавшую от первых столкновений с реальностью душонку. Я утолял жажду и делал запасы. Мне тех запасов до сих пор хватает, чтобы не бросаться на людей, а иногда, редко, и понимать их.

Дедушка Слава происходил из старинной семьи потомственных купцов-старообрядцев. Его отец, мой прадед Никанор, был видным нэпманом и периодически (недолго, потому что откупался) посиживал в советских тюрьмах. Умер он глубоким стариком в конце семидесятых, за прилавком собственной керосиновой лавки. Оказывается, и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе существовал частный бизнес. Хиленький, слабенький, в виде кооперативов и патентов на отдельные виды деятельности, но существовал. В свое время для меня это стало откровением. Прадед Никанор физиологически не мог выносить молодое Советское государство. Ненавидел большевиков всем своим могучим старообрядческим сердцем, считал их порождением дьявола. Строгие религиозные убеждения заставили его отмежеваться от сатанинской, по его мнению, системы и вести автономное существование, претерпевая недолгие муки в гулаговском аду по гуманным, в смысле сроков, экономическим статьям.

Его последняя – на год – посадка случилась уже при Хрущеве, в 1959 году, когда прадеду перевалило за шестьдесят.

Бабушка Муся, напротив, происходила из семьи пламенного большевистского командира-буденновца Исаака Абрамовича Блуфштейна и плененной им на просторах махновского Гуляйполя гарной дивчины по имени Полина. Понятно, что мои прадеды на дух друг друга не переносили. Прадед Никанор во время войны – по идеологическим соображениям – отсиживался в Ташкенте, налаживая кооперативное производство незнакомого узбекам лимонада. Кто сказал, что лимонад должен быть сладким? Фондируемый во время войны сахар он продавал налево, за что и попал в конце войны в ничуть не пугавший его ГУЛАГ.

Прадед Исаак, наоборот, потеряв в киевском Бабьем Яру всех родных, в 50 лет ушел на фронт добровольцем, стал снайпером, убил 307 фашистов, получил три ордена Славы (за каждые 100 мертвяков по ордену), что приравнивалось к званию Героя Советского Союза.

Ох, чудны дела твои, господи! Еврей, комиссар, рискуя собственной жизнью, защищал Россию-матушку, а кондовый русский старообрядец отсиживался в Ташкенте, воруя у наивных узбеков сладкое. Еще чуднее, что дальним потомком столь разных людей являюсь я – Витя Соколовский, современный житель крупного мегаполиса, сорока четырех лет от роду. Евреи,

старообрядцы, украинцы... С отцовской стороны еще и татары затесались. И все с собственными прибабахами, тараканами и убеждениями.

С годами я начал очень хорошо чувствовать свои корни. Они уходят в многострадальную землю моей страны и не дают мне сдвинуться с места. Хотя иногда я очень хочу сдвинуться. Послать все к черту и уехать – туда, где море и солнце, добрые, солнечные люди. Но не могу – корни держат, а еще я сам постепенно становлюсь корнем для своих детей. Ухожу глубже в почву. И уйду, рано или поздно, как и мои предки, полностью. Только корни мои очень противоречивые, в разные стороны растут – тащат, рвут меня на части. Одни воду любят, другие – песок, третьи – воздух, четвертые... Может, в этом и есть корень всех моих проблем? Вряд ли... Мои предки, конечно, сложные люди, но сильные, безусловно, и цельные. Скалы, горы величественные, возвышающиеся над нынешней равниной серости и убожества. Как у них мог получиться я – сам не понимаю. Бабушка и дедушка пережили войну, голод, тюрьмы... И не сломались, пронесли свою красивую любовь через такой ужас, по сравнению с которым мои проблемы – нелепое, смешное недоразумение.

Не хочу вспоминать о них сейчас. Если вспомню – презирать себя буду. Себя и свой пьяный, никому не нужный нудеж. Не сейчас, потом, не сейчас...

...Все равно вспоминаю – только вспоминать о них и остается. Славик умер в 2007 году от рака легких, у меня на руках. Пока его не похоронили, целых три нескончаемых дня я не мог дышать. Физически не мог дышать, и вроде воздух вокруг был, и попадал он мне в нос и в рот. Но в легкие не шел – исчезал по пути. Не стало Славика – и воздуха не стало.

А бабушка Муся умерла год назад, в 90 лет, от старости. Это было уже легче. Очень тяжело, но легче. Человек ко всему привыкает – даже к отсутствию воздуха.

Тяжко мне о них думать... Они были бунтари, титаны, мифические уже почти герои, а я – законопослушный природе гражданин. Живу как все, собакусь с когда-то любимой женой, бухаю, когда хреново, стараюсь заработать денег, не думаю о бессмысленности своего существования и надеюсь на лучшее. Вот сейчас кончится кризис, подорожает нефть, укрепится рубль, перебесится жена, вырастут дети, брошу пить, курить, займусь здоровьем – все будет, наконец, хорошо...

Но, видимо, и во мне есть какая-то червоточина. Зачем я начал писать, например? Заработал денег – живи в свое удовольствие, путешествуй, осуществляй детские мечты, купи мотоцикл или кабриолет и благодари судьбу за удачно сложившиеся обстоятельства. Нет, писать начал, ковыряться в себе и других, смысла мне, видите ли, захотелось. Ага, как же... Смысла не нашел ни грамма, но с реальностью столкнулся больно. Не закончится кризис, и жена не перебесится, и пить не брошу. Вырастут только дети и забудут меня к черту, потому что своих забот хватать будет. Одна вот выросла уже, учится в Бостоне, общаемся по скайпу, с каждым днем все короче. Дочь по скайпу. Технологично. Раньше хоть защитные очки носил от реальности в виде вечной нехватки времени, суеты и решения разнообразных проблем. Люди думают, что отравляет им это все жизнь сильно. «Как белки в колесе крутимся», – грустно думают о себе люди. Белки-то белки, но ведь и счастье огромное – это колесо. Крутится оно, и сливается окружающий мир в яркую цветную картинку. А остановишь его на миг – мама дорогая, как все страшно оказывается вокруг, как бессмысленно, бесперспективно и беспощадно...

Я остановил. Имел глупость. Более того, писать начал, сфотографировал, заморозил мир, зашифровал его маленькими черными значками на белом фоне экрана ноутбука. И ужаснулся.

Самое страшное, что назад хода нет. Даже если снова в колесе побегу, быстро перебирая конечностями, нет назад хода. Я уже видел, какие на самом деле этой ярмарки краски, какие леденящие кровь разноцветные маски поблизости. Я слышал скрип карусели рядом и узнал, что он означает. Это знание во мне, не забыть его. Поэтому и не хотят быстро шевелиться ноги, не могут просто. Поэтому – только вперед.

Сию, вспоминаю, пытаюсь разобраться, что же произошло с нами. Анька – она ведь такая была – ух, какая она была!.. И я был... А теперь – дельфиний писк. Я честно стараюсь вслушаться в противные звуки, понять. И понимаю, к сожалению.

– Молчишь, не обращаешь внимания на постаревшую дуру, недостойна я тебя, да? А ведь нечего тебе сказать, ты убил меня, Витя, понимаешь? Тебя судить за убийство человека надо. Подмял под себя, запер в доме, учиться не разрешил, актрисой стать не разрешил. Рожай, стирай, убирай, готовь, терпи твои оскорбления и все понимай. Ой, у Витеньки сложный характер, ой, он такой талантливый, он не изменяет тебе, он тебя любит... А мне насрать, что ты меня любишь! Не верю я тебе. И не любишь, и изменяешь. Просто ловкий очень, поймать сложно. Да я и не хочу ловить. Противно мне. Ты эгоист, тебе просто со мной удобно, вот и все. И не талантливый ты никакой, тешишь свое раздувшееся самомнение, да тебя люди уже выносить не могут с твоим самомнением. Ты – раздувшееся ничтожество, похабное, похотливое ничто! И знаешь, как мне обидно, что вот такое *ничто* меня подмяло? А ведь я могла стать актрисой, мне сам Абдулов говорил, что могла... Убил ты меня, Витя, запер, похоронил заживо. Душно мне с тобой!

– Трахнуть тебя хотел Абдулов, а ты и поверила, дурочка, – говорю я неожиданно. Надо бы поласковой, поаккуратней, но ее слова о раздувшемся ничтоестве выводят меня из равновесия. Точнее, не сами слова, а контраст слов с еще стоящей перед глазами той, двадцатилетней давности Анькой. А еще точнее – контраст моего представления о той Аньке с тем, что я вижу перед собой. Несправедливо, обидно: я ради нее стихи писать бросил, в говне по макушку искупался, денег урвал, душу загубил практически, а она – «раздувшееся ничтожество»... Не получилось у меня разобраться в очередной раз. Зато получилось шокировать и на минуту успокоить истерящую жёнушку.

– Как трахнуть хотел? – обалдело спрашивает она. – Иди ты!..

Вот за что люблю Аньку, так это за ее наивную и даже местами милую тупость. За это же, впрочем, и ненавижу. Одно дело, когда девочка двадцатилетняя тупа – тут грех не умилиться. Другое, когда баба сорока лет. Анька выглядит на тридцать и застряла где-то посередине. Так же, как мое отношение к ней. То ли любовь, то ли ненависть... Поэтому отвечаю я ей двойственно, непонятно – комплимент делаю или оскорбляю.

– Обыкновенно трахнуть хотел. Ты девка симпатичная была, отчего тебя не трахнуть?

– Да не... – не верит жена. – Это ж Абдулов! Он же герой-любовник, секс-символ советского кинематографа, вокруг него знаешь сколько баб вертелось?! И чтобы он меня... Нет, не может быть, он действительно способности во мне увидел.

Всё! Милая тупость перешагнула грань и превратилась в откровенный дебилизм. Ее намеренные оскорбления никогда меня особенно не трогали. Знал я, что от слабости в основном она это делает. Но чтобы вот так...

– Да как ты смеешь, сука! – взрываюсь я. – Ты думаешь вообще, что говоришь? Значит, если секс-символ советского кинематографа пробился бы сквозь твои ватные мозги, то ты ему дала бы – так получается?

– Нет, нет, – испуганно лепечет Анька. – Я не то хотела сказать...

Она меня хорошо изучила за двадцать лет. Знает, что переступила черту. Лихорадочно пытается сообразить – где? Не понимает и от этого боится еще больше. Она боится меня. Я в принципе неадекватный, она это тоже знает. Однажды, после какого-то глупого скандала, она в первый и последний раз убежала из дома – так, просто на улицу, проветриться. Возвратилась, а в коридоре вся ее одежда валяется. Порванная на мелкие кусочки. Больше не убегала... От меня всякого можно ожидать. Она знает это, но все равно методично, часами выводит меня из себя. А потом каждый раз удивляется: чего это он? И боится.

– Значит, по тупости твоей наши дети родились, – не унимаюсь я. – Была бы поумней, поняла бы, чего от тебя хотят, и – гудбай, Витя. Выходит, зря я рисковал всю жизнь, голову на кон ставил, лишь бы Анечка хорошо жила с детишками. Так выходит?

– Нет, нет, ты неправильно... это твои извращенные фантазии...

– Мои извращенные фантазии... Это говорит мне человек, живущий полностью в выдуманном мире. Да ты хоть помнишь, как ты в ГИТИС поступала, как тебя «зарезали» в первом туре, а мне, подыгрывавшему тебе в этюде, сказали на экзамен сразу приходиться? Все, прошел творческий конкурс. Я даже не поступал, я подыгрывал тебе только. Вспоминай, что я тогда ответил. Нет, сказал... Потому что Анечку кормить надо, бабло зарабатывать. Я писать перестал, потому что Анечка... А ты... Дома, говоришь, запер тебя? А с каким удовольствием ты в этом доме сидела, помнишь? Все лето на Лазурке торчала. А когда не было денег туда тебя отправить один раз, ты помнишь, какой скандал устроила? Ничего, Витя извернулся, достал денег. Из воздуха материализовал, как фокусник. О да, я забыл: не ради себя, ради дочки Женечки, конечно, скандалила. Как же может ребенок без моря? Обязательно на Лазурке, Черное нам не подходит, у девочки аллергия – тобою, между прочим, выдуманная. И где ее аллергия сейчас?! Нет ее, развеялась как дым с отъездом в Америку, зато резко появилась у Славки. Теперь с ним на Лазурку ездить надо. Душно ей, принцессе потомственной, работать хочется, учиться, актрисой быть, а я мешаю, видите ли. Так это ж жопу оторвать надо, Ань, от стула! Трудиться нужно, слыхала такое слово, нет?!

Все, выговорился и сразу пожалел о своих словах. Потому что точно знаю, что будет дальше. Сейчас она бросится на меня с кулаками. Вот, бросается, осыпает ударами и изощренными матерными тирадами. Я ее обнимаю покрепче, чтобы не дергалась. Она дергается тем не менее, это минуту будет продолжаться, пока не устанет, или две. Полторы минуты на этот раз. Я засек время по настенным часам. Средненько сегодня у нас получилось, без задора.

Утихла, сейчас обмякнет, уткнется в мою грудь и начнет плакать, а мне станет стыдно. Я-то точно знаю, что Анька – совсем не та корыстолюбивая хищница, какой я хотел ее представить. Все значительно сложнее. Она действительно безумная, всего боящаяся мать. И отличная при этом мать, дети ее обожают. Она их любит и боится за них. Верит в многочисленные аллергии, пороки сердца, плоскостопия и иные страшные болезни. На деньги, бессмысленно потраченные на врачей, можно было бы раскрутить ее как актрису даже в Голливуде. Тем более и способности у нее имеются – приврал я насчет ее бездарности сгоряча. И трудится она немало, в настоящий момент работает шофером, поваром и нянькой у нашего семилетнего сына Славки. Хоккей, музыка, преподаватели, школа – день расписан по минутам. А самой ей действительно мало чего нужно. Ей не нужен даже я. А почему – я так и не разобрался, хотя и очень хотел.

Мне стыдно, мне жалко ее. Анька плачет, а я глажу ее по волосам, пытаюсь успокоить, бормочу извинения. Я почти люблю ее в этот момент. Да не почти, просто люблю. Стоять бы так вечно, не разжимать объятия, не отпускать ее от себя. Не получится. Финал у наших скандалов всегда одинаков. Она заканчивает плакать, вырывается из моих рук, дает на прощание пощечину и убегает в бывшую комнату дочки Женьки – жить отдельно от меня. А я ухожу в нашу спальню – жить отдельно от нее. Так мы с ней и живем. Отдельно.

* * *

...О, господи, как болит губа, и вообще – все болит! Я мечусь по нашей огромной, рассчитанной на арабский гарем кровати и не нахожу себе места. Наступила редкая и самая неприятная стадия опьянения, я называю ее «завтрашнее похмелье уже сегодня». Обычно это состояние посещает меня, когда я, вместо того чтобы вовремя, бухим и расслабленным, лечь в постельку, решаю экзистенциальные проблемы бытия или просто собачусь с женой, как сегодня. В такие моменты я клянусь себе завязать с алкоголем. Между преступлением и нака-

занием должен быть хоть какой-то промежуток. В этом смысл преступления. Кокнул старушку процентщицу, и когда еще страшный следователь Порфирий Петрович придет по твою душу? Может, он и не придет вовсе, наслаждайся с чистой совестью украденным баблом и чувством собственной сверхчеловечности. Но если не успел еще кокнуть, а Порфирий Петрович тут как тут, – совсем хреново. Опыянение и похмелье в одном флаконе – безнадежная штука, исчезают последние остатки оптимизма и веры, раз уж и алкоголь тебя предал, то даже иллюзия счастья невозможна, не то что само счастье.

Страшный Порфирий Петрович у меня в голове ковыряет раскаленной кочергой одурманенный мозг. Нет сил думать, нет сил разбираться, почему к сорока пяти годам моя жизнь при отсутствии явных проблем со здоровьем и деньгами превратилась в ад. Как заблудившийся бильярдный шарик, я катаюсь по кровати и не могу найти лузу. Нет мне успокоения, и смысла нет, ничего нет, только раскаленная кочерга в голове, и дело тут совсем не в Порфирии Петровиче. В другом дело. В чем? В чем? В чем? Я не могу найти ответа на этот вопрос, но замечаю, что сам знак вопроса очень похож на изогнутую кочергу. Так вот что ковыряется у меня в голове, разрывая кипящие мозги. Понятно. У матросов нет вопросов, поэтому они румяные, здоровые и счастливые, и их любят девушки, а меня не любит даже жена. Зато вопросы у меня есть.

Темно в спальне, ничто не тянется так долго, как ночные темные минутки, когда опыянение и похмелье смешиваются в отвратительный по вкусу коктейль. Можно, конечно, включить свет, но это не поможет, знаю по собственному опыту. Минутки станут светлыми и от этого еще более долгими. В темноте есть куда спрятаться. В бред, в головную боль, в похмелье и шуршание простыней. На свету не убежишь. Все кристально, до истерики ясно. Козленочек на последнем всплеске затухающего гормонального взрыва. Козел, просравший свою жизнь. Козел. Позади иллюзии, впереди – все самое худшее: бедность, алкоголизм, болезни, одиночество и смерть. И вопрос-кочерга, дарящий последнюю в жизни боль. Как же так? Как так? Как?..

...Устал я, сдохнуть хочется. Так и сдохну когда-нибудь, ворочаясь с похмелья, еще пьяненький, с раскаленным вопросом в башке. Вон как голова пульсирует нехорошо. Так и сдохну... А почему не сейчас? Чего тянуть-то? Ответа я все равно не найду, только измучаю себя и других. Так чего тянуть-то?..

Звонок скайпа спасительной соломинкой прорезает ночную тишину и мои депрессивные мысли. Дочка. Самое мое любимое и близкое мне существо. Почувствовала в своем Бостоне, что папке плохо, отвлеклась от учебников с мудреными математическими формулами, нажала зеленую кнопку на экране планшета. И пошла расти соломинка сквозь запутанную Всемирную сеть – куда ее только не заносило, весь мир, может, обогнула и выскочила в моей темной, сгустившейся спальне, в моей темной, сгустившейся жизни... А я ухвачусь – не за что мне больше хвататься, только за нее. Я ухвачусь и вылезу из этой проклятой ночи, из дерьма, куда я загнал себя сам.

– Привет, отец, не спишь? Я знаю, что не спишь, – ты же пишешь обычно до утра. Слушай, у меня есть вопрос один, по финансовому анализу.

Хорошая у меня дочка, и вопрос у нее хороший. По финансовому анализу. Главное, на него совершенно точно есть ответ, в отличие от моих вопросов.

Несколько минут мы обсуждаем понятие альтернативной доходности при принятии инвестиционных решений. Будь у меня вторая жизнь – обязательно стал бы математиком. Там все логично и понятно: если «а» больше «б», то «б» меньше «а». Значит, «б» неправо. В жизни по-другому, и «а» право, и «б», и «в», и я, и Анька права, и товарищ Путин, и господин Обама... Все кругом правы! И все параллельны друг другу. Не пересекаются. Уходят в бесконечность и не пересекаются. Иногда кажется: вот же – пересеклись, как я с Анькой два-

дцать лет назад. Но это только кажется. Оптический обман, иллюзия, не с того угла смотрел, с никому не нужной высоты.

...На экране в окошке скайпа Женька рассказывает об альтернативной доходности. В детстве я смотрел фантастические фильмы о межзвездных перелетах и светлом коммунистическом завтра, люди в них общались с помощью видеотелефонов. Немыслимо круто, я тогда твердо для себя решил, что обязательно доживу до счастливого будущего и тоже буду общаться. Общаюсь, дожил. Видеотелефон есть, только счастья по нему не видать... Зато видно мою взрослую и красивую дочку... Мог ли подумать маленький советский пионер Витя, задорно салютующий на открытии московской Олимпиады генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу, что в будущем дочка будет рассказывать ему про альтернативную доходность из Бостона. По видеотелефону... Мальчик Витя не мог о таком подумать. Юноша Витя не мог представить, что до дрожи любимая им девочка Аня предложит ему через двадцать лет найти другую бабу. Солидный и ловкий бизнесмен Виктор Александрович не мог предположить, что после сочинской Олимпиады Крым будет наш, доллар будет 60, пармезана не будет, а все его мнимое благополучие повиснет на волоске. Так, может, лучше не думать? Все равно весь мир, я сам и даже любимая дочка Женька получились из иллюзорного пересечения параллельных, из оптического обмана. Из обмана... Мне становится жутко, я теряю ориентиры, лечу куда-то, и зацепиться не за что. Жизнь не поддается анализу – ни финансовому, никакому. Просто случайный набор вероятностей, за которым стоит обман. Я лечу в равнодушную, скучную бездну, называемую небытием, я уже в ней, а все остальное – только кажется... Кажется...

– Пап, ты где? У меня картинка застыла, со связью, наверное, что-то. Я тебя не слышу. Ау-у-у, па-па...

Голос дочки меня спасает. Я хватаюсь за него. За соломинку, мною выращенную. Я вытягиваю себя из небытия и хаоса. Правильно мне бабушка Муся говорила: «Люби, Витька, людей, каждый возлюбленный тобой человек – это якорь, удерживает он тебя в жизни». Я люблю дочку, иллюзия она или обман – мне плевать, главное – зацепиться можно. Хоть за что-то можно зацепиться.

– Здесь я, здесь, – почти кричу охрипшим от волнения голосом. – Я здесь, я тебя слышу...

– А, ну хорошо. Так вот, последний неясный момент: что брать за альтернативную доходность – во всех случаях ставку по безрисковым государственным облигациям или для каждого случая искать отдельный бэнчмарк?

– Подобное сравнивай с подобным, – отвечаю я ей на автомате. – Торгуешь наркотиками, где прибыль тысяча процентов, – ориентируйся на самую крепкую мафиозную семью с завязками в полиции; в шоколадки думаешь вложиться – смотри на «Марс» и «Сникерс»; государственными бондами спекулируешь – держи в уме облигации правительства США.

– Наркотиками... Ой, не могу, ха-ха-ха! Там тоже альтернативная доходность существует, ха-ха-ха, надо профессору нашему, индусу, сказать, он к наркотикам неравнодушен – травку пыхает как паровоз. Ему понравится, ха-ха-ха...

Черт возьми, все-таки мне есть чем гордиться. Хороший я якорь себе вырастил. Моя двадцатилетняя дочь понимает шутки про альтернативную доходность. Не про телок-жеребцов, не про аншлаговскую хрень и камедиклабовскую чушь, а про альтернативную доходность при принятии инвестиционных решений.

– Ну ладно, пап, спасибо большое, я побежала, у меня семинар вечером по статистике.

Почему все хорошее так быстро кончается? Хочется удержать ее веселый, умный смех, ее на мои похожие глаза в окошке скайпа. Не уходи, Женька! Пока ты со мной – я держусь. Очень ты мне нужна сейчас. Не уходи, пожалуйста!

– А я с мамкой поругался, – быстро, чтобы она не успела нажать на красную кнопку отбоя, говорю я.

– Подумаешь, вы все время ругаетесь. Ладно, пока, – отвечает Женька, и я вижу, как ее рука тянется отключить связь.

– Сильно, сильно поругались, вдрызг! – ору я, лишь бы она не выключалась. Дочка тяжело вздыхает и убирает руку от клавиатуры. Она в курсе наших проблем, видит, что происходит, когда приезжает на каникулы. И мнение ее по поводу нашего будущего я знаю наизусть. Не очень меня устраивает это мнение, но сейчас я готов слушать что угодно. Плевать, лишь бы говорила, лишь бы видеть ее подольше.

– Разводиться вам давно пора, – рубит сплеча дочка. – Я не понимаю, зачем вы друг друга мучаете. Развелись – и дело с концом.

– Тебе хорошо, сама с мамой и папой выросла. А о Славке ты подумала?

– Подумала. Через два года я закончу учебу, найду работу и заберу его к себе.

– Дура, – грустно улыбаясь, говорю я.

– Дура, – соглашается Женька. – Но ведь ты не бросишь совсем мать и Славку, будешь забирать его на выходные. Миллионы детей так живут, зато не видят, как ругаются родители. А если не хотите разводиться – приезжайте ко мне, в Америку.

– А какая связь?

– Прямая. Новая страна, новая жизнь... Общие трудности сплавивают. Может, заживете наконец по-человечески или разбежитесь уже окончательно, но шанс есть, вы же у меня хорошие! Дураки просто оба. Вот и встанут мозги на место. И вообще, я не понимаю: чего вы забыли в этой Путляндии?

Необычная сегодня ночь. Переплелось в ней все, завязалось. Сначала нелепая драка во дворе, чудесное обретение чувства братства с первыми встречными русскими людьми. Потом скандал с женой, а теперь дочка говорит про Америку. Первый раз говорит, оставляет она нам все-таки шанс. Потому что любит. А что? Идея мне нравится. Чем черт не шутит – может, и получится. И на кой мне, действительно, сдалась эта Путляндия? Будем все вместе жить. Здесь продам что смогу. Вместе с кэшем на первое время хватит. А вдруг придумаю чего-нибудь интересное, созидательное первый раз в жизни. Фантазия у меня всегда хорошо работала. Разбогатею, прославлюсь, и с Анькой все наладится. Хорошая идея – уехать в Америку. Только где я там найду это чувство братства с первым встречным мажором или гопником? Куда я дену свои сорок четыре года в России – на помойку выброшу, забуду как страшный сон? Нет, доченька, слишком давно я родился. Сделана моя жизнь, и сделана она здесь, в России. Здесь друзья, здесь родители, которые никогда не уедут, здесь любимый мною русский язык, на котором говорю, читаю и пишу свои романы. Здесь мое место. Я и дочку не очень хотел отпускать. Шоком для меня было, когда в пятнадцать лет она пришла ко мне и заявила, что не желает жить среди ленивого и равнодушного быдла под руководством гэбистских вертухаев. Я в таком шоке был, что спросил лишь:

– А почему они вертухаи?

– Ну как же, – ответила Женька, – сам царек в своей книжонке «От первого лица» пишет, как акции диссидентов КГБ разгонял. Типа по-умному разгонял: они собираются цветы к памятнику декабристам возложить, политзаключенных советских помянуть, а гэбэшники профсоюзы к тому же памятнику гонят. Все, место занято! Тебе это ничего не напоминает? Вертухаи и есть, только место работы у них не на зоне, а в Кремле.

Помню, я обалдел от ее ответа: чтобы в пятнадцать лет и так излагать... Аргументированно, мягко говоря. Но потом я сказал себе: «А чего ты хочешь, Витя? Отсидевший на Колыме Славик умер, когда ей 12 было. Любила она очень своего прадедушку, по несколько раз на дню ему звонила, по любым вопросам. Он у нее под прозвищем Славик-энциклопедия проходил. Про свою сталинскую молодость он ей, конечно, особенно не распространялся – мала слишком была для таких разговоров. Но кое-что наверняка проскакивало. А что он не успел рассказать – рассказал я. Книжки опять-таки нужные – «Архипелаг» тот же, «Жизнь и судьба» Гросс-

мана, и готово дело. Воспитал пятую колонну на свою голову». И все же очень не хотелось мне ее отпускать. Попробовал усостыжить: сказал, что предки ее не дураки были, когда строили, боролись и умирали за Россию. Взять того же Славика или отца его, Никанора... Вроде как предательство получается, если в Америку уехать...

– И чего они построили? – в ответ на мою пламенную проповедь скептически спросила Женька. – Ты выгляни в окошко – посмотри, что они построили. Нравится? Бесплезно здесь всё. Ползучих гадов летать не заставишь. И вообще, не страну строить надо, а себя в наиболее подходящем для этого месте. Страна, где все граждане строят сами себя, чудесным образом сама по себе и отстраивается. Без всяких путинных, сталиных и прочих иванов грозных. Себя строить надо! Этому я и собираюсь посвятить свою, надеюсь, длинную жизнь.

Последний довод крыть мне было нечем. Разрешил. И помог даже, деньгами в основном. Женька – хваткая девка, вся в меня, сама поступила в один из лучших университетов мира, стипендию сумела получить каким-то образом. Интересная все-таки штука – жизнь! Дед мой и помыслить не мог покинуть Родину. Я мог, как исполнилось восемнадцать, на следующий день документы на иммиграционную визу кинул в ящик у американского посольства. В конце восьмидесятых всем давали визу, и мне бы дали, но я послушал деда, родителей, да и перемены вдруг на страну обрушились. Показалось на миг, что пересекаются параллельные и взлетают в небеса ползучие гады. Остался. А Женька решила твердо и уехала. И слушать ничего не хотела.

Интересная штука – жизнь, особенно если рассматривать ее на примере судьбы нескольких поколений. Видимо, приходит конец нашему роду на русской земле. Если не случится чудо – точно придет. Страна катится к хаосу и распаду. Я патриот, конечно, но не сумасшедший. Сам здесь останусь, рядом с родителями и могилами бабушек и дедушек, а детей вытолкну. Я с Женькой договорился: если со мной что случится, она Славку обязательно выучит. А может, и самому мне махнуть? Не насовсем – на год, на два. А там – куда кривая вывезет! Может, это правда выход? Зачеркнуть все плохое и начать с чистого листа. Странно, что эта мысль мне раньше не приходила в голову...

– Жень, а как ты себе это представляешь? – спрашиваю я после длинной паузы дочку. – Идея интересная – уехать ради сохранения семьи в Америку. Есть в этом что-то, да и к тебе поближе быть хочется... Но как ты это себе представляешь технически? А куда мне родителей своих девать и бизнес – какой-никакой, но доход приносящий? Легко сказать, уехать...

– Все, пап, не могу разговаривать, правда опаздываю, – скороговоркой тараторит Женька. – Мне вечером еще с Далтоном на бал выпускников идти, а ты вопросов накидал на три часа. Честно говоря, я даже не понимаю, зачем ты меня спрашиваешь. Сам ведь все знаешь. Я помогу всем, чем могу. Но чего да как – это ты у нас специалист. Оцени вообще мою любовь к вам. Я же себе геморрой огромный наживаю, если вы в Америку переедете... И все равно хочу... Потому что люблю. А советовать не могу, да и некогда. Все, пока-пока, завтра созвонимся.

Окошко скайпа погасло и превратилось в черный квадрат. Внизу под квадратом возникла надпись: «Оцените качество связи». На название картины похоже. «Оцените качество связи». Да хрен его знает, какое качество. Нормальное, какое и должно быть, как у меня с моими родителями. Люблю их очень, но у них своя жизнь, а у меня – своя. И у Женьки, видимо, своя начинается. Отдельная, как у меня с ее матерью. Все отдельные в этом мире. Удивительно, почему человеческий вид называется *человек разумный*. Намного логичнее было бы назвать *человек отдельный*.

Что-то я сегодня по банальностям пошел. Всем давно известно, что человек человеку – никто. Но одно дело знать эту печальную истину в принципе, а другое – когда видишь, как твоя любимая дочка, самое близкое тебе существо, отдаляется от тебя все дальше и дальше. Далтон этот еще появился... Два года уже как. Хороший, кстати, парень – умный, начитанный, окончил адвокатскую школу, работу себе неплохую нашел. Похоже, у них все серьезно. Поженятся того

и гляди, а там дети пойдут, и карьера закрутится. Не до меня, не до смешного русского дедушки Вити, пишущего смешные русские книжки непонятно о чем. Чужой мне, конечно, Женька не станет никогда, а вот чуждой – запросто. Разные страны, разная культура и интересы. Любовь никуда не денется, а понимание, скорее всего, исчезнет со временем. Уже исчезает...

Как грустна человеческая жизнь, и состоит она сплошь из потерь и расставаний. Постоянно что-то теряется: молодость, любовь, здоровье, деньги, иллюзии. Нищим и ограбленным подходит человек к могиле. Голеньким появился на этот свет, голеньким его и покидает. Не собственник человек, а арендатор. Все, что у него есть, временно. Да и сам он, если вдуматься, тоже временный. Сумасшедший, краткосрочный арендатор, возмнивший себя владельцем царских хором. Приватизировать ничего нельзя, но ведь продлить срок аренды можно? Еще год, два, пять лет, десять, пятнадцать... Я заплачу любые деньги, пойду на любые условия, лишь бы еще немножко, хоть несколько месяцев, пожалуйста!..

С Женькой этот трюк наверняка не пройдет, она сейчас в стадии приобретения активов, принимает самые важные инвестиционные решения: работа, спутник жизни, страна проживания. Потом и у нее кончится срок аренды, но не приобретя не потеряешь. Я не могу ей мешать: пускай радуется, пускай приобретает и заблуждается в том, что она собственник приобретений. Время радости – у нее, а у меня – время печали. Но я еще поборюсь, за дочку – бесполезно и не получится, а за Аньку я поборюсь! Надо только разобраться, где и что пошло не так. Видимо, не судьба мне сегодняшней долгой, пьяной и похмельной ночью спать. Значит, буду думать. Буду думать, пока не додумаюсь.

Любовь и бедность

Мы поженились спустя четыре месяца после безумного свидания в моей съемной квартире на Новослободской. Свадьба получилась не менее сюрреалистической, чем наша первая с Анькой ночь. Для празднования я умудрился снять половину легендарного ночного клуба Night Flight на Тверской. А чего, центральная улица, три минуты до Кремля, практически первый ночной клуб в Москве.

Шел я однажды от Пушкинской, по делам, зашел в клуб, увидел интерьер – мне понравилось: круто, по-западному, менеджер – американец, все как я люблю. И все для любимой – пускай удивится, порадует, пускай знает, что для нее я мир переверну, не то что Night Flight арендую.

Пораженный окружающим великолепием, справок о заведении наводить я не стал. И так все понятно. Только в день свадьбы до меня дошло, что я наделал. В правой половине зала чинно гуляла наша московская интеллигентная свадьба. Все как полагается: родители с хлебом-солью, родственники с подарками, веселые друзья-студенты, тосты о вечной любви, крики «горько» и любимая музыка «Металлики» вперемешку с «Машиной времени». Ну и «Семь сорок», конечно, под конец, когда все расслабились. Вроде бы обычная свадьба. Но в левой половине клуба, поближе к входу, у барной стойки – творилось странное. Невероятной красоты валютные шлюхи пытались клеить пришедших с вполне определенной целью иностранцев. А они не клеились. Они были в культурном шоке. Таинственна и непознаваема загадочная русская душа. Свадьба в борделе – от этого веяло Достоевским, Гагариным и легендарными загулами сибирских купцов одновременно. Я реально увидел, как у одного штатника от удивления выпала на стол вставная челюсть. Да у меня самого чуть челюсть не выпала, когда я понял, что произошло. С тоской я смотрел на Аньку, ожидая, что невеста сбежит из этого вертепа. А она не показывала вида, вела себя как обычно, только в глазах иногда что-то мелькало и исчезало быстро. И лишь когда к нам подошел какой-то глубоко древний ее родственник и молодцевато, глядя на шлюх, прокряхтел: «Красивые все-таки в России бабы, мне бы годков сорок сбросить – уж я бы тогда...» – Анька не выдержала. Сползла буквально под стол и застыла. Я испугался, подумал – плачет. Присел, заглянул под скатерть, а она... Она смеялась! Не просто смеялась – рыдала от смеха, роняя самые настоящие слезы на свадебное платье. Мне показалось – истерика. Стал тормозить ее, извиняться, лепетать что-то. Но Анька, не в силах ответить, скрестила руки и замотала головой.

– Нет-нет, – бормотала она сквозь смех, – круто!.. Это так круто, Витя... Шлюхи на свадьбе – это круто!.. Живем, Витя... Рок-н-ролл, Витя!.. Хеви-метал... круто... спасибо...

Я обалдело сел на пол рядом с Анькой. «Вот такая она, моя подруга, – подумал. – Другая бы на ее месте скандал устроила, а она... Она – настоящая. Она – моя».

До меня медленно доходил весь абсурдный юмор ситуации, а когда дошел – я тоже рассмеялся. Так и ржали мы под столом на нашей свадьбе, обнявшись, пока гости беспокоится не стали. Казалось, вот так всю жизнь, смеясь, преодолеем, потому что мы вместе и мы – настоящие. Но это только казалось...

Там же, под столом, мы договорились устроить шоу, оторваться по полной, раз уж все так получилось. Я объяснил ситуацию нашим недоумевающим молодым друзьям и попросил тех из них, кто знает иностранные языки, переводить двусмысленные (обязательно двусмысленные) тосты на английский.

– ...И для наших зарубежных друзей, которых мы наблюдаем в этом зале, хочется особенно подчеркнуть, что верность и скромность являются основополагающими качествами в русской женщине!

– ...Одного вам покрывала до старости.

– ...Семья – это ячейка общества, и члены этой ячейки, помимо радости общения друг с другом, еще и надежно застрахованы от бушующей сейчас эпидемии венерических заболеваний, от СПИДа, в конце концов. Так выпьем же за это! Lets go, na zdrowie, gorko!!!

Ох, и повеселились мы тогда. Иностранцы от изумления нажрались и сделали кассу бару за полчаса. Шлюхи злобно шипели и употребляли в немереных количествах шампанское. А потом всё перемешалось. Немцы голосами, напоминавшими о фильмах про войну, с чудовищным акцентом пели вместе с нами «ой мороз, мороз». Подобревшие от выпитого шлюхи лили горькие пьяные слезы и задорно танцевали «Семь сорок». А мы смотрели на все это и угорали от смеха. В апофеозе вечера я рассказал группе приставших ко мне англичан о сути недоразумения.

– Великие вы люди, – сказал мне один из них на ломаном русском. – Май вайф кил ми фор ит, май вайф бить меня за такой селебрейшн, твой вайф – любить. Ай вонт ту би рашен, ай вонт рашен вайф, ай вонт любить лайк ю!!!

Выкрикнув последнюю фразу, пьяный в хлам англичанин свалился за стойку бара, но продолжал выкрикивать и оттуда, что он «вонт быть рашен». Как потом оказалось, он сломал себе бедро, и ему прямо в клуб вызвали «Скорую». Когда приехали врачи – мы их тоже напоили. Англичанин со сломанной ногой, кстати, пил вместе с врачами и не хотел уезжать в больницу. Шлюхи едва его уговорили, и то при условии, что две из них поедут с ним вместе. Добросердечные проститутки выполнили условие, не забыв, впрочем, взять с англичанина по соточке грина каждая – за оказанную услугу.

Балаган, вертеп, клоунада! На многих свадьбах я бывал за свою жизнь, но веселее, абсурднее и отчаяннее праздника не встречал. Нет, за свадьбу Анька на меня не должна обижаться. Хорошо наша жизнь началась, весело. Правда, протрезвев, на следующий день я обнаружил, что от моего вагона болгарского бренди «Слынчев Бряг» осталось всего три коробки. Все богатство ухнулось на громкое торжество. Большой бедой подступившая нищета мне не показалась. Какие, к черту, беды, когда со мною рядом любимая, настоящая и живая Анька. Заработаю еще.

* * *

Не так-то и легко это оказалось сделать. После ослепительных четырех месяцев счастья, когда крылья за спиной выросли от любви, – наступила черная полоса. Крылья, конечно, вот они, трепещут от волнения и нежности, но и кушать хочется тоже. Особенно ей. Я-то ладно, я жил всегда, как в песенке Цоя: «но если есть в кармане пачка сигарет, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день». Но вот Анька... Нет, она не ныла, не просила ничего, но внезапно выяснилось, что вдвоем нам нужно не в два, не в три, а в десятки раз больше денег! Нам нужны были вещи, о существовании которых я даже не подозревал. Какие-то баночки, тюбики, салфеточки и кастрюльки. На утятницу – первую вещь, нами купленную, – денег у меня еще хватало, но вот на все остальное... Через месяц пришлось съехать из роскошной трехкомнатной квартиры на Новослободской. Я договорился со знакомым китайцем, торговавшим кожаными куртками в Лужниках, и он пустил нас бесплатно пожить в комнату на Автозаводской, где хранил товар. Бесплатные сторожа в огромной коммуналке не помешают. Комната была хорошая, метров двадцать пять площадью, но свободного пространства в ней оставалось не больше трех квадратных метров – только диван и помещался. Остальная площадь до потолка была завалена куртками. Не повезло Аньке: выходила замуж почти за миллионера, а жить пришлось с нищим. Но она не унывала – ни словом, ни взглядом не показывала своего разочарования, скорее всего, его и не было. Нам хватало и трех метров. Диван есть – и слава богу. Зато ночи у нас весело проходили, под скрип упакованных в целлофан кожаных курток. Но несмотря на Анькину стойкость и неприязнительность, я четко понимал, что баночки, салфеточки, тюбики

и кастрюльки ей жизненно необходимы. Как ей, неопытной двадцатилетней девчонке, удавалось донести до меня эту мысль – до сих пор не пойму. Не говорила же ничего, даже не намекала, но тем не менее удавалось. Загадка природы! Видимо, воспеваемый поэтами женский магнетизм тут виноват или еще какие неясные мне силы мироздания. Что бы там ни было, я как ошпаренный метался по Москве, пытаюсь заработать денег. И не получалось ничего. Исчез фарт, подевались куда-то прежние деловые связи. На год я выпал из бурлящей московской бизнес-жизни: сначала стихи писал, урвав вагон бренди. Потом Аньку встретил. Год паузы в начале девяностых – это очень много. Некоторых моих знакомых убили, другие ударились в бега, третьи за год вознеслись так высоко, что и знать меня не желали.

От отчаяния и безденежья я устроился работать в строительное управление, практически по институтской специальности. Прорабом на участок электрики и автоматики. Я работал на стройке – в дождь, снег и холода, – надзирал за работягами, тянущими бесконечные провода по бесконечным этажам новостроек. Иногда тянул их сам, если работяги в запой уходили. Платили мало, но вместе с периодически подворачивающимися халтурами хватало, чтобы снимать однушку в Зеленограде и как-то питаться. Контраст феерического начала с продолжением нашей жизни был потрясающим. Лично я втройне чувствовал убогость и унылость своего существования. Ведь такая свадьба была, такие крылья за спиной выросли, а теперь... Подозрительно я косился на Аньку: ну скажи, скажи... скажи уже, предъяви претензии, и разойдемся. Да, не оправдал надежд... Да, мне стыдно... Разойдемся давай, а потом я поднимусь на самый высокий этаж опостылевших новостроек, где тяну провода, и спрыгну вниз. Потому что зачем мне жить тогда... Анька молчала, не осуждающе, не подозрительно, не подначивающе. Она просто молчала, не замечала, казалось, обрушившихся на нас трудностей и была счастлива. В тот момент я окончательно и бесповоротно понял, что она меня любит, что повезло мне невероятно, незаслуженно. И я возненавидел себя за то, что не могу заработать денег и дать ей такие необходимые для нее тюбики, салфеточки, баночки и кастрюльки. Я возненавидел себя, а ее полюбил совсем какой-то оглушительной, немислимой любовью. Настолько оглушительной и немислимой, что остатков этой любви мне хватило, чтобы жить с ней до сих пор и слушать, как ей со мной душно. Но тогда, двадцать один год назад, я об этом даже не догадывался. Я ненавидел себя и любил ее. А она... Что она?.. Она через семь месяцев забеременела.

* * *

Дети появляются на свет как прыщики на носу – неожиданно и в самое неподходящее время. Естественно, первая реакция – выдавить, уничтожить. И так еле-еле концы с концами сводим – ни работы нормальной, ни жилья своего, ни перспектив. В стране стреляют, гиперинфляция, первая чеченская война в разгаре, того и гляди коммунисты к власти придут, и тогда мало никому не покажется. Только сумасшедший в таких обстоятельствах будет рожать детей. Анька была реально прибабахнутая на всю голову. Испугалась, конечно, сперва, но потом твердо заявила: «Буду рожать! Ничего, Бог поможет».

Ну она ладно, у нее мозгов сроду не было, а у меня-то были. Я не сумасшедший, я все понимал. Не могли мы тогда себе позволить ребенка. Зачем плодить нищету и потенциальную безотцовщину? Не выдержала бы Анька трудностей – сбежала от меня или я бы сбежал. Я ее убедил – три дня разговаривали без перерыва, но убедил ее сделать аборт. Я блистал красноречием, приводил аргументы, клялся, что пятерых родим, как только на ноги встанем. И убедил. Сейчас, видя, какая бешеная из Аньки получилась мать, я не понимаю, почему она согласилась. Видимо, пожалела меня, дурака, просто. Любовь – это страшная сила, иногда она убивает даже еще не рожденных детей. Единственным Анькиным условием было – поставить в известность об аборте наших мам. Пусть ей гинеколога хорошего найдут, сама она никого не знала.

Позднее несколько раз мне приходила в голову мысль, что это была хитрость: мне отказать вроде невозможно, а вот чужими руками... Я на ее месте поступил бы так же. Но дело в том, что она – не я, хитроумные комбинации – не ее конек. Не головой живет Анька, а инстинктами. Наверное, действительно о гинекологе беспокоилась и еще о чем-то... Но отчета себе в этом не отдавала. Нет у нее внутри того, кому можно отдавать отчет. Может, и слава богу, что нет.

Матери меня, конечно, уговорили. Тоже уговаривали три дня, тоже блистали красноречием и обещали всяческую помощь, вплоть до размена двух принадлежащих нашим семьям квартир – на три поменьше, чтобы с ребенком жить где было. Обманули. Все друг друга обманывают. Мы с Анькой не родили пятерых детей, а они не разменяли квартиры. Моя любимая старшая дочка Женька – плод разнообразных видов обмана. Дитя оптической иллюзии пересечения двух параллельных, результат подлого сговора своих бабушек. А еще в ее появлении на свет сыграло важную роль одно некачественное резиновое изделие знаменитого завода в подмосковной Баковке. Вот из этого всего она и получилась, вопреки всякой логике. Вопреки здравым рассуждениям в моей якобы умной голове. Боже мой, какие страшные вещи совершаются от ума! Я мог убить Женьку – любимую, самую дорогую, самую близкую, так похожую на меня. Представить невозможно! И все это от ума. А от глупости, подлости, нелепых и дурных стечений обстоятельств, наоборот, получаются иногда невероятной красоты вещи. Так, может, ну его, этот ум с присущей ему логикой, к черту? Все равно не объяснишь и не поймешь ничего толком. Тогда зачем я не сплю этой длинной, похмельной и пьяной ночью? Зачем вспоминаю и пытаюсь понять? Не знаю... Видимо, потому что выхода нет: мне обязательно нужно разобраться в своей жизни. Иначе – край. К краю я подошел и, если не найду, за что зацепиться, – свалюсь. Бесполезно думать? Значит, переживу все заново, не мозгом, так печенькой и почками пойму, где совершил ошибку. И исправлю.

* * *

За несостоявшийся аборт Анька на меня не обиделась. Не состоялся же. Мы жили по-прежнему. Я устроился на вторую работу – кочегаром в котельную, недалеко от съемной квартиры в Зеленограде. Денег все равно не хватало, пришлось брать больше сверхурочных, начальство не могло нарадоваться на трудолюбивого и безотказного сотрудника. Вот только денег от этого не прибавлялось.

У Аньки заметно рос живот, но еще быстрее росли цены в магазинах. Стиральную машину «Малютка» (пластмассовое корыто с вентилятором внутри) я еще успел купить, а откуда и на что брать кровати, коляски, соски и ползунки для будущего ребенка – не имел понятия. Неожиданно помогла подработка в котельной. Кто-то из местных начальников теплосети вдруг вспомнил, что подвизался у них кочегаром молодой, а главное, непьющий инженер. Нашли меня, спросили, не могу ли наладить работу автоматики отопления пионерского лагеря под Зеленоградом. Я посмотрел, ничего не понял, но ответил, что могу. И от отчаяния назвал огромную цифру стоимости своих услуг. Что-то около 10 000 долларов по тому курсу. Тертые коммунальщики только посмеялись и уже совсем собрались меня послать, но я произнес волшебные, секретные слова:

– А вы безналом заплатите. На фирму. Пятнадцать тысяч. Назад получите пять.

Безнала у коммунальщиков было завались. Обналичивали они его тупо, по-советски, через зарплаты мертвым душам. И все равно не могли обналичить. Не хватало им душ, ни мертвых, ни живых. А тут такой случай! Согласились. Я их свел с хозяином строительной конторы, где трудился прорабом, и все срослось. Мне удалось выторговать у хозяина фантастические условия. Пятьсот долларов мне за работу и еще три с половиной тысячи – за то, что заказ в контору притащил. Всего четыре тысячи американских денег. Целое состояние по тем

временам – не то что коляску и кроватку купить можно, а не работать вообще пару лет. Или приобрести, наконец, вожаденную вишневою «девятку».

Три месяца я пахал как каторжный: по будням ездил из Зеленограда на другой конец Москвы – работать прорабом. Две ночи в неделю дежурил кочегаром в котельной, половину оставшихся ночей и выходные чинил автоматику пионерского лагеря. Спал преимущественно стоя, в электричках и вагонах метро. Анька, видя мои мучения, робко заикнулась о том, что, может, все-таки стоило сделать аборт.

– Какой аборт, – отрезал я категорично. – У нас скоро будет четыре тысячи долларов. Живем. Ты понимаешь: целых четыре тысячи!

Полусонный, на подкашивающихся ногах в обшарпанных электричках я придумал, куда можно употребить столь огромный капитал. Нет, я больше не повторю прежних ошибок. Не профукаю свое счастье, как вагон дуриком доставшегося болгарского бренди «Слынчев Бряг». Я теперь знаю цену деньгам. Я куплю маленький, только что появившийся грузовичок «Газель» и буду развозить мороженных кур по продуктовым рынкам. Я все рассчитал: «Газель» стоит 6000, займу недостающие 2000 у родителей и буду зарабатывать больше тысячи долларов в месяц, а то и полторы. Раскручусь, отдам долг, куплю вторую машину, потом третью, найму водителей... Нужно только стиснуть зубы и потерпеть, нужно выдержать. А дальше – будет все хорошо.

За три месяца я похудел на пятнадцать килограммов, научился спать по четыре часа в сутки, прыгнул выше головы, но сделал эту проклятую работу. Досрочно сделал, на три недели раньше срока. Наконец настал день, когда хозяин нашей конторы должен был отдать мне потом и кровью заработанные доллары. Я прекрасно помню этот день, 30 октября 1994 года. Ровно год назад мы с Анькой весело гуляли нашу сюрреалистическую свадьбу в Night Flight. Много воды с тех пор утекло, из наивного юноши с розовыми очками на больших глупых глазенках я превратился в умудренного опытом мужа. Я прошел через нищету и каторжный труд, я научился ценить тяжело добытую горькую трудовую копейку, я вырос и повзрослел. И я победил. Так я думал тем казавшимся мне прекрасным утром, идя на работу за заслуженным вознаграждением. Аньке я велел потратить последние деньги на роскошный ужин. Ничего, что два месяца за квартиру не плачено. Сегодня мы станем богатыми. Я сделал, я прорвался, доказал себе и этому неласковому миру, что чего-то стою. Поэтому – сочную вырезку с кровью на стол, винограда, узбекскую дыню-торпеду, шампанского, зефира в шоколаде!.. Сладкий сегодня день, вкусный сегодня день. День победы!

Счастливым и гордым я зашел в кабинет начальника, он тоже источал благодушие:

– Ну заходи, заходи, герой, – сказал радостно. – Молодец, далеко пойдешь. Справился, я, если честно, сомневался – не та молодежь нынче пошла, изнеженная, капризная. Но ты не такой, уперся и справился. Расти тебе надо, Витя, если тебе не расти, то кому? С завтрашнего дня назначаю тебя начальником участка автоматики, и оклад на треть больше, и ответственность, и полномочия... Разные у нас тут мнения были на твой счет, говорили – молодой слишком. Но я настоял. Рад?

Я, конечно, был рад, собирался покупать «Газель» и уходить, но рад был. Нормальный человек нигде не пропадет – ни в тюрьме, ни в офисе, ни на стройке. Об этом мне еще дед говорил. Значит, я нормальный, раз меня и здесь оценили.

– Спасибо большое, – ответил с достоинством. – Постараюсь оправдать доверие. Хотелось бы подумать только до завтра. Неожиданно это немного.

– Ишь ты какой, думать он будет... Ошалел, что ли, от счастья? Ну ладно, иди думай, раз тугодум такой. Иди-иди, завтра поговорим, а то работы много.

– А деньги? – спросил я, еще не ожидая никакого подвоха.

– Вот завтра о деньгах и поговорим, когда подумаешь. Иди, не мешай! Завтра, завтра...

Я развернулся и пошел к двери, но на полпути вспомнил о неоплаченной за два месяца квартире. Хозяин грозился прийти вечером с ментами – выселять. Не мог я домой без денег вернуться. Сегодня мне деньги нужны. «Да черт с ним, – решил, – поработаю у него еще пару месяцев начальником участка, все равно пока «Газель» куплю, пока о заказах договорюсь – два месяца и пройдет».

– Я согласен, – сказал, вернувшись к столу. – Давайте деньги.

– На что согласен? – спросил уже углубившийся в чтение каких-то бумаг начальник.

– Ну, это, на повышение я согласен, на ответственность, на полномочия. Деньги давайте.

– Завтра, завтра приходи. Некогда мне сейчас.

– Я не могу завтра, – в ужасе произнес я. – Мне за квартиру нечем платить, хозяин выселить сегодня обещал, если не заплачу, а у меня жена на шестом месяце...

Владелец конторы презрительно, но, как мне показалось, одновременно и с жалостью посмотрел на меня, и я... Я начал канючить, унижаться, умолять его проявить понимание. До сих пор мне невыносимо стыдно вспоминать себя в тех гнусных, предложенных мне равнодушной Вселенной обстоятельствах. Но я помню, я все помню...

– Ну пожалуйста, – заклинал я, маленький и зависимый, стремительно увеличивающегося босса, – войдите в мое положение: ни копейки денег, я так рассчитывал на эту халтуру. Жене лекарства нужны дорогие, не все гладко с беременностью, за квартиру платить нужно, ребенок скоро родится – ему тоже все нужно. Пожалуйста, дайте мне сегодня денег, я ведь заработал их честно, я три месяца не спал... Дайте сегодня, мне очень нужно, я отработаю потом, вы не пожалеете...

Я замолчал. Аргументы у меня закончились, оставалось разве что заплакать. Недалек я был от этого, еще минута – и заплакал бы. Слава богу, сжалившийся начальник не дал мне такой возможности.

– Ладно, – сказал он по-отечески, – хорош сопلي мазать. Я что ж, не понимаю – сам молодым по углам в бараках с женой мыкался. Держи и помни, что человек я, а не бездушная скотина. На всю жизнь запомни. Обещаешь?

– Да-да, конечно, спасибо вам огромное, – выдавил я из себя благодарно и взял протянутые доллары. Пять бумажек по сто баксов каждая. Пять бумажек... Раз, два, три, четыре, пять... Несколько долгих секунд я держал протянутой руку, но босс в нее больше ничего не положил.

– А когда остальное? – дрожащим голосом, уже о многом догадываясь, но не желая верить, спросил я.

– Какое остальное? Ты о чем вообще?

– Мы договаривались пятьсот за работу и три с половиной тысячи за заказ.

– А я не обманываю, – с напором, даже привстав немного с кресла, произнес начальник. – Запомни, Витя, я никогда никого не обманываю! Обманывают только жулики. Ты что, подумал, я тебя обманываю? Эх, дурак, вот и делай после этого добрые дела людям... Я тебя повысил? Начальником участка сделал? Зарплату прибавил? Ну вот... Вот тебе и твои три с половиной тысячи. Ты считать умеешь? Умножь прибавку к зарплате на год... Нет, на два... Ну хорошо, на три, на четыре... – какая разница! Да я тебя, если хорошо работать будешь, своим заместителем сделаю, в партнеры возьму. Мы с тобой такими делами ворочать будем, ты только темпов не сбавляй. Показал себя – молодец! Но кто же с первого раза такие деньжищи получает? Ты иди, иди давай, и все у тебя будет. Иди, Витя, работать надо.

Много раз после этого случая меня пытались кинуть. На несопоставимые, на порядки большие суммы, но никогда мне не было так обидно. Три месяца не спать, вкалывать, как Павка Корчагин на строительстве железной дороги, мысленно почти купить вожеленный грузовичок, чувствовать себя победителем и вдруг... Как щенка несмышленного...

Видимо, было в моих глазах нечто такое, что добрый начальник сжалился надо мной еще раз.

– Ладно, ладно, ты волком-то не смотри, – сказал он и сунул в мою протянутую руку еще двести долларов. – Но на этом – все! Грань переходить не нужно. Уматывай отсюда немедленно, пока я не передумал, и цени мою доброту.

Есть такое понятие в боксе – состояние грогги, когда после удара еще остаешься на ногах, но бой продолжать уже не можешь. Наиболее близкий аналог в русском языке – «как пыльным мешком по голове трахнутый».

Я стоял перед ухмыляющимся боссом как трахнутый пыльным и тяжелым мешком. Оцепенел я, не мог пошевелиться, чуть спасибо ему не сказал, по инерции. Как же так? Это подло, несправедливо! Да не бывает такого просто... Пришлось начальнику буквально вытолкнуть меня из кабинета.

На автомате я спустился по лестнице. Не замечая ливня, хлеставшего на улице, достал сигарету и закурил. Вместе с дымом в голове заструились мысли. С первого взгляда достаточно разумные. «Все не так уж плохо, – шептали мне мысли, – семьсот долларов, оклад на треть подняли, должность дали... Кто же, в самом деле, с первого раза такие деньги поднимает? Он еще приличный, мог вообще на хрен послать... А так – семьсот долларов, есть на что купить коляску и кроватку, за квартиру заплачу на полгода вперед. Радоваться надо...»

Холодные капли дождя били меня по лицу, а я не замечал, лишь когда сигарету дождь затушил – заметил. И разозлился сильно. На такую ерунду разозлился – на погашенную не вовремя сигарету. И тогда только вышел из состояния грогги. Не радовалось мне: поймали меня – ласково, аккуратно, с необходимыми по этикету цветочками и конфеткой, но все равно поймали. И поделаться ничего нельзя – не рыпнешься, не возразишь. Зажат я, очень мне нужны эти проклятые семьсот долларов и оклад. Надо скупать, сделать вид, что ничего не было, пережевать дерьмо и еще оптимистично улыбнуться после трапезы. Потому что, не дай бог, выгонит он меня. И куда тогда? На улицу? Побираться?

Совсем я уж было решил смириться, но вдруг вспомнил, как унижался перед начальником. Вот не унижался бы, утерся и, вполне возможно, дослужился бы со временем до его заместителя. Система любит гибких. Но я унижался. И я вспомнил...

Я, в недалеком прошлом – звезда института, капитан команды КВН, здоровый и сильный парень, поэт... Я перед этим жирным, офигевшим ничтожеством, и мизинца моего не стоящим... Да я ни перед кем, никогда... Я отказался от кандидатской диссертации и стажировки в Америке, потому что ни перед кем и никогда... А он, выходит, меня сломал? Кто же я такой после этого? Моего деда ГУЛАГ не сломал, а меня жирное ничтожество пальчиком сковырнуло. Как жить-то теперь?

У меня, что называется, упала планка и разбилась с хрустальным холодным звоном, вымораживая готовые лопнуть внутренности. Ярость, жажда действия, жажда убийства. Если я не убью его, то сдохну сам. Жить не смогу, если не убью, дышать не смогу, к Аньке подойти не смогу, в зеркало посмотреть... Пусть посадят, пусть сделают что угодно, плеваaaaaaaaaaaaaаать!!!

С мокрыми волосами и затушенной дождем сигаретой в зубах за какие-то секунды я взметнулся вверх по лестнице и ворвался в кабинет начальника. Он все понял сразу и попытался спрятаться под стол. Бесполезно, меня было не остановить.

– Падла! – кричал я, ломая ему челюсть. – Сука! Тварь хитрожопая, денег тебе жалко? На, на, жри свои поганые деньги, кушай, нажрись ими до отвала!

Не соображая, что делаю, я вытащил из кармана семьсот долларов и запихнул их начальнику в его окровавленную пасть. Очень глубоко, почти в желудок. Все руки исцарапал о крошащиеся разбитые зубы. Он мычал, и из его глаз катились слезы. С напором катились, как

будто я выдавливал их из него. А я пихал доллары все глубже и глубже, разрывая кулаком его неправдоподобно растянувшиеся губы.

– На, жри, мразь! Молодым ты был, сука, помнишь все? Не быть тебе старым, убью гада, урою, уничтожу...

Слава богу, в кабинет ворвались люди, оттащили меня, уберегли от греха. Хотя и не сразу, понаслаждались с полминуты греющим душу зрелищем. Хозяин их был еще той скотиной. Не меня одного обманывал, а всех, кого мог. Зарплату задерживал и премии платил крайне неохотно, точнее, вообще не платил. Не его им было жалко, а меня. Ведь убить бы мог, сидеть потом хорошему, по их мнению, осуществившему общие тайные мечты парню.

Нежно они меня от него оттащили и даже спирта налили выпить в приемной, чтобы успокоился.

– Ты не бойся, – прошептала мне на ухо счастливая секретарша, – он трус, он в ментовку не заявит. Ты только скажи ему, что убьешь его, если дернется к ментам.

– А я не боюсь! – заорал я на всю приемную, чтобы и в кабинете было слышно. – Повезло ему, суке, сегодня! Но только он еще раз мне попадется, только рыпнется пускай не в ту сторону – из-под земли достану, с того света приду и горло перегрызу!

Посчитав хозяина конторы достаточно запуганным, я выбежал из приемной. Оказавшись на улице, пошел искать ближайший телефон-автомат. Найдя, позвонил отцу на работу. К счастью, он оказался на месте.

– Нужна твоя помощь. Я дал в морду начальнику, меня уволили и собираются выселить из квартиры. Надо вещи перевезти, – на одном выдохе выпалил я в трубку.

Отец лишних вопросов задавать не стал и обещал через двадцать минут быть на своем «Москвиче» у метро «Юго-Западная».

Я купил пирожок с мясом в ближайшей палатке и, запивая его колой, пошел к метро. Все свои действия после выхода из конторы я проделал на автопилоте, в нарастающем, гудящем возбуждении. Ни о чем я не жалел. Разве что о семистах баксах, немного –годились бы они мне сейчас. А я скормил их начальнику. «Глупо, – думал, жуя пирожок, – а зато красиво. Мир должен быть красивым, и я его таким сделаю, как бы он ни сопротивлялся».

Окружающий меня мир действительно изменился – красивым не стал, но вроде как истончился, отошел на второй план. Иду по улице и сам не пойму – то ли есть она, то ли нет. Люди кругом – будто тени. Только я есть, только я иду, и голова моя трещит, остывая от гнева, как горячий асфальт на морозе. Странное состояние, безумное. Темень кругом сгустилась, исчезала...

Хорошо, отец быстро подъехал. В машине отпустило немного: папа рядом – родной, любимый человек. И говорит тихо, все время слушая мой сбивчивый, лихорадочный рассказ.

– Правильно, сынок, сделал. Давить его, гада, надо.

Ну, конечно, надо. Чего он постоянно повторяет эту фразу? Кто бы сомневался, что гадов надо давить.

Всю дорогу до Зеленограда я по кругу твердил ему одно и то же. А отец отвечал мне, что все правильно. Правильно, правильно, правильно... Позже он признался, что реально опасался за мою психику, поэтому и говорил «правильно». Успокоить хотел, в чувство привести.

Когда приехали домой, нас встретила радостная Анька. На кухне был накрыт стол – вырезка, дыня, шампанское, виноград, зефир... Я увидел все это, захлебнулся смехом и... меня вырвало. Прямо на стол. Беременная жена с округлившимся пузом стоит. Дорогие, на последние деньги купленные продукты разложены красиво, а я блюю на них. Смеюсь и блюю.

– Где водка? – спросил отец у ошарашенной, чуть не родившей от шока Аньки.

– В холодильнике... – пролепетала та.

Он полстакана в меня влил, насильно. Только тогда я перестал блевать и смеяться. На меня в очередной раз за день напала жажда деятельности. Я начал судорожно собирать наши

нехитрые пожитки. Вполне здраво командовал отцом и Анькой, попутно объясняя ей, что стряслось. Она попробовала меня жалеть, но я резко пресек попытку.

– Не надо, – сказал, – все будет хорошо, обещаю. И вообще, я получил колоссальное удовольствие, начистив рожу зажавшемуся ублюдку. Это того стоило, поверь.

Анька закусила губу, отвернулась и заплакала. Тут до меня, наконец, дошло, что я наде-
лал. Так стыдно стало и жалко ее, что я бухнулся на колени и буквально завыл:

– Прости меня, прости дурака-а-а-а...

– Нет, нет, Витенька, ты что, ты с ума сошел? Я верю тебе, я за тобой куда угодно, все будет хорошо. Это же ты... ты такой... мне так повезло... ни у кого такого нет, а у меня есть. Я люблю тебя!

– Ах, – сказал я. Я только сказал «ах» и тут же почувствовал, как отрывается сердце у меня в груди. Голова закружилась, я потерял ориентацию, почти упал. Но вдруг опять ощутил прилив какой-то не моей, злой силы.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся я издевательски. – Аааа, ты и поверила, дурочка? Конечно, все будет хорошо. А ну, живо собирайся!

Шарахало меня, трясло из стороны в сторону. Лишь подъезжая к родительскому дому на «Маяковской», я пришел в себя. Вышел из машины. Увидел во дворе знакомые деревья и скамейки, расслабился. Здесь ничего плохого со мной произойти не может. Здесь моя родина, здесь мама, здесь всегда примут и пожалеют. Последняя крепость, моя защита, моя семья. Отсижусь, переживу. Закончился длинный и самый чудовищный день в моей жизни. День, когда я все потерял и чуть не убил человека. Все прошло, минуло, кануло в небытие. Завтра будет новый день...

Я ошибался. Черный день намного длиннее белого. Самое сложное ожидало меня впе-
реди. Да и не может быть коротким день, когда человек становится взрослым.

Черный день

У меня жесткая мама. Не жестокая, а именно жесткая – где сядешь, там и слезешь. Лучше вообще не садиться. Нас с братом она воспитывала в строгости. Подзатыльники летали по дому по поводу и без. Я, как старший, получал двойную дозу. При этом любила она нас безумно, до удушья – и своего, и нашего. Такая вот смесь подзатыльников и любви.

Почему она жесткая? Точного ответа на этот вопрос у меня нет. Может, виновата взрывоопасная смесь жестоковыйного еврейского характера с не менее упертым характером сибирских старообрядцев. Может, тяжелое детство. Может, то, что отца своего первый раз в восемь лет увидела, после тюрьмы, и испугалась сильно. Я не знаю... В любом случае упрекать мне ее бесполезно. Она такая, как есть, и такой я ее люблю. И кстати, я на нее очень похож. И внутренне, и внешне. Многие люди считают меня жестким – моя жена Анька, например. Нет, это раньше она меня считала жестким. С годами я превратился в жестокого палача-садиста, основная задача которого – медленно и больно мучить собственную жену. Сколько раз я ей говорил: «Аня, я не виноват, гены такие, ты маму мою видела?» Не верит. Думает, я на отца больше похож. Ну, еще бы, отец большой, и голос у него страшный, особенно когда орет. А мама – хрупкая, милая женщина. Как всегда, внешность обманчива. Кто из них большой и страшный – еще вопрос. Но то, что папа мягкий, а мама – жесткая, я знаю точно. А еще до черного дня своего взросления я точно знал: мать не задумываясь пожертвует чем угодно ради меня, и простит мне что угодно, и что угодно от меня вытерпит, несмотря на всю свою жесткость. Большинству детей свойственно такое заблуждение. Им простительно – они же дети. Приятное заблуждение, полезное, дарящее спокойствие и защиту. И его очень больно терять...

До поступления в институт мать и дедушка были главными людьми в моей жизни. Чему они меня научили и от чего уберегли – ночи не хватит вспомнить. Но последнее мамино решение, кардинально повлиявшее на мою судьбу, засело у меня в голове крепко. Можно всю прожитую с человеком жизнь перебрать и не понять ничего, а можно взять один только эпизод, но в нем человек уместится полностью, во всем своем многообразии. И если я по-настоящему хочу разобраться в своей пошедшей наперекосяк жизни, если пьяный, с разбитой мордой, после традиционного скандала с женой вспомнил наглухо и совершенно осознанно забытый черный день своего взросления, то без мамы мне не обойтись.

* * *

Незадолго до окончания школы при очередном мед осмотре в военкомате меня отвели в какую-то темную без окон комнату, где сидел усатый сорокалетний дядька в штатском. И случился у нас с ним разговор. Путаный, неясный, но многообещающий. Насколько я понял, дядька был из Конторы, но не упырь, как я представлял чекистов по книжкам Солженицына и рассказам дедушки, а вполне обаятельный и даже прогрессивный дядька. Он долго расспрашивал меня о планах на жизнь, делился своими передовыми и для восьмидесят восьмого перестроечного года политическими взглядами, а потом сделал предложение:

– Понимаешь, Витя, – сказал задушевно, – время сейчас сложное, горячее, страна на перепутье, и, как ты догадался, служащие той организации, которую я представляю, просто так лясы не точат. Особенно в такое сложное время. Следили мы за тобой. Да ты не пугайся, дурачок, в хорошем смысле следили. Ты парень активный, неглупый, общительный, девкам нравишься, победитель всех возможных олимпиад – от математических до исторических, по языку в школе успеваешь лучше всех... И вообще, хороший ты парень! Наш, советский! Может, сам еще об этом не догадываешься, но, поверь мне, мы точно знаем, что *наш*. Подходишь ты нам, Витя, поэтому предложение у меня к тебе такое. Вместо армии на год-два идешь в школу КГБ,

то есть для всех – в армию, а на самом деле – в нашу школу. Школа, кстати, находится в Москве, так что выходные дома при хорошей учебе – гарантирую. Но самое интересное начнется потом. Думаешь, погоны всю жизнь носить будешь и маршировать на плацу в сапогах? Нет, Витек, наша организация не про это. Любой гражданский вуз. Любой, согласно твоим склонностям, и не какой-нибудь задрипанный урюпинский политех, а из ведущих: МГИМО, МГУ, Бауманка, юридический – все, что душа пожелает. Лично я думаю в МГИМО тебя направить, на экономический факультет. Языки, математика, история – все там востребовано будет. А потом, Витя, – заграники, капстраны в основном, тем более мы с ними дружить собираемся, опыт перенимать. Но дружба дружбой, а табачок врозь. У нашей с тобой Родины есть свои интересы, и мы с тобой их будем отстаивать. Юлиана Семенова смотрел – «ТАСС уполномочен заявить»? Вот примерно так. Гордись, парень, мы со всей Москвы двадцать человек в год на эту программу отбираем, и ты попал в их число. Гордись и думай о перспективах: интересная осмысленная жизнь, возможность весь мир посмотреть, Родине послужить. Ну, и две зарплаты, между прочим, – гражданская и военная. Погоны у тебя, конечно, будут, но хорошо спрятанные под красивым пиджаком иностранного производства. Ну как, заинтересовал?

Заинтересовал он меня – не то слово. Такие возможности, заграника, да и Юлиана Семенова я обожал. Когда Штирлица по телику показывали – замирал, как и вся страна, перед экраном в трансе. Единственное, что смущало, – это три веселые буквы в названии организации дядьки. Заключить договор с КГБ для меня было как на сделку с дьяволом пойти. И что на это скажет Славик? А как же Солженицын, прочитанный мною тайно три года назад у деда в квартире? Три года назад за «Архипелаг» меня этот дядька не в МГИМО, а намного дальше послал бы, вместе с дедушкой. С другой стороны, время быстро меняется: сейчас Солженицына на каждом углу продают, и в Конторе люди разные появляются...

– Конечно, заинтересовали, – осторожно ответил я дядьке, – но решение ответственное. Мне подумать надо, с родителями посоветоваться.

– А я и не сомневался, что ты будешь думать. В нашу Контору недумающих не берут. Это в ментовку – добро пожаловать без мозгов. А у нас все строго, голову на плечах иметь необходимо. Думай, советуйся. Тебе сколько времени понадобится?

– Неделя, может быть, две.

– Вот и отлично! Через две недели увидимся. До свидания, Витя.

– До свидания, – сказал я, но вдруг понял, что он не оставил мне своих координат. – Подождите, а как я вам сообщу о своем решении, как найти-то вас?

Дядька только весело рассмеялся и потрепал своей холеной рукой мои волосы.

– Не волнуйся, Витек, мы тебя сами найдем. Ох, уморил, «как сообщить о своем решении?». Забавный ты... Ну ничего, это скоро пройдет, если договоримся. Иди-иди давай, до встречи.

Вечером в квартире у деда собрался семейный совет. Голоса разделились по половому признаку. Бабушка Муся и мама были категорически против. Отец скорее за, но осторожно, открыто выступать против такой жены, как моя мать, – себе дороже. Особенно меня поразил Славик.

– А чего, – сказал он, подумав немного, – хороший вариант. Все равно страна наша навернется лет через пять-десять, а ты при делах будешь, с хорошей специальностью, с языком, со связями. Страна навернется, а люди останутся. Ты только в партию не вступай, коммунистам точно недолго осталось...

Все-таки в моем дедушке романтика и прагматизм смешались в удивительной и даже слегка противоестественной пропорции. Натерпелся он от ЧК невыносимо, чуть жизнь они ему, сволочи, не сломали, однако включил свою светлую голову, произвел расчет и хладнокровно выдал результат: нужно идти в КГБ. Ну, раз Славик не против, то сомнений у меня не оста-

лось. А вот мама с бабушкой сопротивлялись отчаянно. Главное, непонятно – почему? Хорошая работа, загранки, высокий материальный и социальный статус... Неужели они не желают удачной, интересной судьбы своему сыну и внуку? И аргументы какие-то бабские, истеричные: что-то про абсолютное зло, про изначальную дьявольскую и проститутскую сущность любой тайной полиции... Вообще ничего конкретного. Решения у нас в семье всегда принимались единогласно. Спорили до хрипоты, но не расходились, пока не достигали консенсуса. В этот раз разойтись пришлось. Неделю мы с дедом и отцом убеждали маму. Мне очень льстило предложение усатого дядьки, да и приключений хотелось, как и всем мальчишкам на свете. А вот насколько далеко смотрел дед, я понимаю только сейчас. Убедили тогда почти. Одно только условие мать выдвинула:

– Хочу лично встретиться с кагэбэшником. Пока его не увижу – согласия не дам.

– Конечно, увидишь, – ухмыльнулся Славик. – Витька несовершеннолетний, и потом, он согласился уже практически, только у мамки разрешение получить отпросился. Чего с ним разговаривать? Следующая встреча с тобой будет – помyani мое слово, уж я эту систему знаю хорошо.

Так и произошло. Ровно через две недели после встречи в военкомате родителей вызвали к директору школы. Я сразу догадался зачем. Решили так: отец с матерью пойдут к директору, а я со Славиком на всякий случай буду ждать их во дворе школы – вдруг понадобится. Ох, как стучало у меня тогда сердечко. Не шалость мою мелкую они обсуждали, а будущую жизнь. Судьбоносные минуты – длинные.

– Не бойся, – ободрил меня дед. – Жизнь – она кривая. Прямые дороги только у дураков, потому что извилины у них прямые. Если судьба – пойдешь этой кривой дорожкой, а не судьба – кривых дорожек много, на тебя, во всяком случае, хватит. Только знай: какой дорогой ни иди, а попадешь все равно в одно место. Все кривые дороги в один клубок сплетаются, так что не переживай особенно.

Отпечатались у меня почему-то его слова, до сих пор помню. Тогда, во дворе школы, не обратил внимания – волновался сильно. А потом стал возвращаться к его мысли все чаще и чаще. Что-то в ней есть, что-то неуловимое, но важное и не до конца мною понятое. Возможно, когда-нибудь я пойму. А тогда, во дворе, я пропустил мимо ушей замечание Славика и молился, чтобы родители поскорее вышли из школы. Потому что невозможно уже ждать, холодеют руки, бухает сердце, и лопнешь, кажется, изнутри – от напора надежды и отчаяния одновременно.

Родители вышли быстро, минут десять или пятнадцать прошло. Это могло означать что угодно – как хорошее, так и плохое.

– Ну? – подбежал я к ним. – Взяли? Договорились?

– Баранки гну! – жестко ответила мама. – А ты губенки раскатал, дурачок... Не взяли они тебя! Потому что ты – еврей.

– Как еврей? Как еврей? – обалдел я. – Я русский, ну отец наполовину татарин... Ну и что?

– А Муся?

– Чего Муся? Ну да, еврейка. Но я же на четверть только, а может, и меньше... Известно, кто у нее мама была...

– На четверть, говоришь, идиот? – прикрикнула на меня мать, задохнувшись от возмущения. – У Гитлера такие отмазы не проходили. И у них не проходят. Подумай только, Витя: и ты хотел всю жизнь работать на эту фашистскую мерзость! Ты только подумай... А мужик мне, кстати, понравился. Хороший мужик... И я даже согласилась. Он сказал, что твоим куратором будет. И обещал о тебе заботиться не хуже нас с отцом. Дал потом нам заполнить анкеты – обычные, как в отделе кадров. А там вопрос есть: «девичья фамилия вашей матери». Я и пишу: «Блуфштейн». Он аж затрясся, скотина! «Ой, – говорит, – ошибка вышла! Ну, вы

сами понимаете... Не надо анкеты дальше заполнять». Мы встали и молча ушли. Фу, мерзость, как в дерьме искупались по твоей милости...

Я был в шоке, я не верил, мать могла и приврать. КГБ, конечно, та еще организация. Но чтобы вот так – откровенно, в глаза... Это как вместо «Служу Советскому Союзу» «зиг хайль» крикнуть. Да не может быть такого...

– Пап, это правда? – спросил я почти онемевшими губами.

– Правда, сынок. К сожалению, правда...

– Дед, они что – антисемиты?

Дед ничего не ответил, улыбнулся лишь загадочно, как будто засмеяться хотел. Поразила меня его улыбка, тут такое творится, а он лыбится, весело ему.

– Чего молчишь? – заорал я, сорвавшись. – Чего улыбаешься, я спрашиваю тебя? Анти-семиты они или нет?!

– Ну, антисемиты, – с трудом подавив улыбку, сказал Славик. – Сегодня антисемиты, завтра сионисты – кем им скажут, тем и будут. Какая разница? А улыбаюсь я глупости своей: надо же, а слона в лавке и не приметил. Об анкете забыл, ну надо же...

Я стоял во дворе привычной и надоевшей уже за десять лет школы, рядом стояли привычные родные люди. Ничего не изменилось вроде, но мир стал другим. Не Шаламов с Солженицыным изменили мой мир, а вот этот маленький, смешной эпизод. На своей шкуре я впервые почувствовал медвежьи объятия Родины и впервые понял, где на самом деле живу.

– Уеду... – сказал я обессиленно. – Исполнится восемнадцать – и уеду в Америку. По Мусиной еврейской линии, назло им уеду!

– Тоже вполне себе кривая дорожка, – прокомментировал Славик. – Только место, куда ты в конце концов попадешь, от этого не изменится.

Лишь в начале двухтысячных я случайно узнал правду. Все было совсем не так, как мне представлялось.

Мы справляли очередной день рождения мамы. В родительском доме собралась вся, на тот момент еще большая, семья, включая дедушку и бабушку. По советской привычке родители телевизор не выключали. Так и произносили тосты под равномерный бубнеж Первого канала. Раздражало меня это дико, но что поделаешь – привыкли они. Но в тот день телевизор неожиданно взбесил мать.

– Выключите это немедленно, – вдруг на половине чьего-то тоста закричала она. – Видеть его не могу!

– Кого его? – спросил я.

– Да президента нашего, ты посмотри, какие у него пустые, белесые глаза. Врет и не краснеет. И ты таким стать мог, если бы не я. Так что спасибо скажи.

– Спасибо, конечно, мам... Но за что? Ты родила меня – вопросов нет, передала свой генетический материал. В любом случае второго Путина из меня не получилось бы. За это – да, спасибо, в смысле, за то, что родила. А еще за что?

– Его тоже мать родила. Но не мать его таким сделала, а жизнь паскудная и Контора, куда он мальчишкой совсем попал. А я... – мама запнулась на несколько секунд, потом махнула рукой – чего там, теперь уже можно – и продолжила: – А я тебя им не отдала. Помнишь, в школу нас с отцом вызвали на собеседование с кагэбэшником? Так вот, ни о каких евреях там речь не шла. Распелся он соловьем о твоём счастливом будущем. Посмотри, посмотри, сынок, в глаза президенту – вот такие глаза у тебя сейчас были бы. Нравится? В общем, очаровать он нас пытался и бумажку все подсовывал подписать – согласие на поступление в эту их чертову школу. И я почти подписала – ручку уже взяла, чтобы подписать. Но в последний момент сказала: «Вы знаете, как патриот и гражданин нашей великой страны не могу утаить от вас один неприятный факт. Очень хочется, чтобы сын Родине послужил. И Штирлица я люблю, и Витька сам в бой рвется, но не могу... Ни факт утаить не могу, ни бумагу подписать. Дело в

том, что мой сын страдает энурезом – проще говоря, писается по ночам. И еще элементы лунатизма у него присутствуют: ходит по квартире, бормочет чего-то... Ну какой из него Штирлиц? Мы тщательно скрывали эти стыдные недоразумения – мальчик, сами понимаете. А дети – злые... В общем, в медицинской карте у него этого нет. Но раз дело касается государственной безопасности – молчать я не могу и бумагу подписывать не стану». Вот так, Витя, понял? Есть за что спасибо мне сказать?

– Ты знал? – обалдев, спросил я у Славика.

– Не знал, но догадался сразу. Это только ты, желторотый птенец, не понял. Как же они могли на контакт с тобой выйти, не просветив твоих родственников до седьмого колена? Смешно! Очень смешно было наблюдать, как мать тебе про Гитлера загоняла, а ты и поверил, рот раскрыв от удивления. Уехать хотел еще... Ты на нее не обижайся, она имела право тогда. Юный ты был, неоперившийся... И на меня не обижайся. Я, стоя у школы, вспомнил вдруг, как мой отец в сорок первом на войну меня не отпускал. Может, он и прав был, жизнь бы по-другому сложилась. Может, и мать твоя права. Кривых дорожек много, но не по всем нужно идти.

– Мам, ну ты так врала убедительно, – спросил я, немного успокоившись, – как у тебя это получилось?

– А врать и надо убедительно, чтобы поверили. Получилось! И вообще, мне надоел этот бессмысленный разговор. Будешь говорить спасибо или нет?

Я подумал немного, посмотрел в глаза вещающему по телику президенту и сказал – спасибо.

– Большое тебе, мама, спасибо, – сказал я.

* * *

Недавно я узнал, что вторым по значению вкладом евреев в мировую культуру, после Торы, является изобретение системы капельного орошения посевов. Растения лучше развиваются при небольшом недостатке ресурсов. Если ресурсов избыток – растения чахнут. Примерно так нас с братом и воспитывали. Недостаток ресурсов при избытке любви и опеки. Эта система имела массу плюсов и только один минус. Была в ней некая двойственность, ведущая прямой дорогой к шизофрении. Взять хоть меня. Деньги люблю, но не настолько, чтобы всю жизнь положить на их добывание. Духовные вопросы меня сильно интересуют, но не так сильно, чтобы забыть о деньгах. Вот и получилось не пойми что: полуделяга-полуписатель. У брата тоже есть свои заморочки, но о них он сам пускай думает, мне со своими бы разобраться. Еще одним неприятным следствием маминой системы являлось то, что против нее невозможно было не восстать. Недостаток ресурсов – бог с ним, полезно даже. А вот чрезмерная любовь и удушающая опека – штуки неприятные. Я и восстал в семнадцать лет, как и полагается приличному мальчику из интеллигентной семьи.

Помню, когда узнал, что меня зачислили в институт, пришел домой, объявил радостную новость и закурил. Это шок, конечно, был. Мать попробовала дать традиционный подзатыльник, я увернулся. Она выбила изо рта сигарету – я закурил новую.

– Все, – сказал, – в институт поступил, значит, взрослый, значит, мне все можно.

– Раз взрослый, тогда карманных денег не получишь, – ожидаемо парировала мама.

– Ха! – нагло рассмеялся я. – Подумаешь, деньги. Переживу.

И пережил, между прочим. Фарцевал книжками на Кузнецком Мосту. Как создатель институтской команды КВН, числился на полставки в какой-то лаборатории – в общем, выкручивался. Потом, когда на биржу торговать устроился, совсем хорошо стало. Но мама не сдавалась. Осознав, что финансовый рычаг не работает, она задействовала последнее, самое страшное оружие возмездия.

Сначала, после моих затяжных тусовок с друзьями и подругами, она повадилась встречать меня у метро «Маяковская». Вроде как время смутное, бандитское, а любимый сыночек не понимает этого, возвращается в час ночи, выходя из уже закрытого метро. Заставляет старых родителей волноваться, переживать, жизнью практически заставляет их рисковать, гуляя по ночным Патриаршим переулкам. В ответ я перестал звонить домой и предупреждать о своих задержках. Контрнаступление было ужасным – ядерная война буквально! Каждый раз, когда я после ночных загулов появлялся дома, меня ждала «Скорая». Врачи делали маме уколы и снимали сердечный приступ. Увидев эту страшную картину впервые, я сам чуть не получил инфаркт. Бледная, почти умирающая мама... Укоризненно смотрящие на меня врачи, которым она, конечно, все рассказала... Тяжелый, полный боли взгляд отца... Ужас! Лишь унаследованная от матери жесткость и величина ставки, стоящей на кону, помешали мне немедленно бухнуться родителям в ноги и униженно просить прощения. На кону стояла моя свобода. На другой чаше весов была любовь к маме. Установилось хрупкое равновесие. Не зная, что делать, я застыл посреди комнаты. Я ведь очень любил маму. Любил, люблю и буду любить. И она меня любит. «Почему же все так по-дурацки получается? – впервые в жизни задал я себе взрослый вопрос. – Люди любят друг друга и мучают. И мучают, и любят...»

Я стоял, боялся пошевелиться и не мог принять решения.

Мать почувствовала это, и для усугубления ситуации издала трагический, но явно фальшивый всхлип. На чашу весов, где располагалась свобода, шлепнулась крошечная, но такая важная гирька. Я не только любил мать, я ее очень хорошо знал... Развернулся и с каменным лицом, не проронив ни слова, проследовал в нашу с братом спальню. В спину мне полетел душераздирающий укоризненный стон, но я не обратил на него внимания.

Всего было восемь или десять «Скорых». Моя мать – очень упертая женщина. На трех последних я откровенно хохотал, чем приводил в ступор много чего повидавших врачей. Нет, она не хитрила – давление действительно подскакивало. Но я, в отличие от врачей «неотложки», знал ее маленький секрет. Довести себя до любого, даже предынфарктного, состояния ей ничего не стоило. Причем это ее состояние иногда заходило очень далеко и глубоко, но все же не настолько, чтобы причинить ей реальный вред. Быстро начиналось и быстро заканчивалось, чаще всего без всяких лекарств. Сама себе в такой своей особенности она отчета не отдавала и не отдает. Поэтому тоже, как и Анька, считает меня жестоким садистом. В этом они сходятся. Но мать меня прощает, а жена – нет. Потому что мать есть мать, как говорит один мой знакомый алкоголик. Материнская любовь естественна, безусловна и незаслуженна. Для того чтобы тебя полюбила, а точнее, не разлюбила совершенно чужая женщина, приходится, как дрессированной собачке, исполнять разнообразные трюки. Например, прикидываться значительно глупее, чем ты есть на самом деле.

С эгоизмом, свойственным юности, я не церемонился с мамой: хохотал ей в лицо и всячески показывал, что давно раскусил ее наивные хитрости. Но ведь и любил же, хорохорился, изображал из себя циничного жестокого мачо, а все равно любил! И жалел. Поэтому как-то раз, после очередного спектакля, я подошел к ней, погладил руку, прижался к щеке, как в детстве, и спросил:

– Ну чего, мам, самой не надоело? Так ведь и вправду до инфаркта себя доведешь... Давай договоримся?

– Надоело, – честно ответила она. – Давай...

Наша война продолжалась около восьми месяцев и закончилась ее почетной капитуляцией. Я обещал звонить и говорить, где и с кем я. Мама обещала больше не задавать никаких вопросов. С тех пор я стал свободен. Иногда мы немного нарушаем заключенный договор, но не критично. Я давно уже ей не докладываюсь и вообще звоню реже, чем ей хотелось бы. А она изредка задает вопросы. В целом нормально. Не считая того, что основным способом выражения ее эмоций по отношению ко мне стало выразительное молчаливое осуждение. «Мам, я на

биржу пойду работать, нет, учебу не брошу, но деньги важнее сейчас, по-моему» – молчаливое осуждение. «Я тут квартиру снял недалеко, на Новослободской, съеду от вас скоро» – выразительное молчаливое осуждение. «Мам, а я жениться решил на Аньке» – очень-очень долгое, крайне, крайне выразительное, сильно-сильно молчаливое супер-пупер-мега-осуждение. Так и живем с тех пор... Любим друг друга сильно, обижаем, мучаем и снова любим. Хорошо живем, как все люди. Даже немного лучше, чем все, я думаю.

* * *

30 октября 1994 года, в черный день моего взросления, уволенный с работы и выгнанный из съемной квартиры с беременной, на шестом месяце, молодой женой, я вошел в двери родительского дома. К молчаливому осуждению матери я был готов, но ни секунды не сомневался, что меня здесь примут, дадут пищу и кров, предоставят возможность отдышаться и решить, что делать дальше. Патриотизм – последнее прибежище негодяев. Последнее убежище неудачников – родительский дом. Счастливы неудачники, получившие убежище, потому что если есть за ними нерушимая стена из любви и всепрощения, то ничего не страшно. А если нет... Резко становишься взрослым и перестаешь быть неудачником. Крепким становишься, жестким, способным прошибить башкой любые препятствия. Но через двадцать лет – будь готов услышать от человека, ради которого повзрослел: «душно мне с тобой... воздухом одним дышать противно». Какой из двух вариантов лучше – я не разобрался до сих пор. Тогда же, на пороге отчего дома, я увидел в глазах матери не ожидаемое молчаливое осуждение, а натуральный ужас:

– Что?! Что случилось? Анечка, скажи мне, почему у него руки в кровь разодраны? Да скажите мне, наконец!

– Ничего не случилось, мам, – ответил я как можно более оптимистично. – Просто мне не заплатили обещанных денег. Я психанул и дал в рожу начальнику. Меня, естественно, уволили. А поскольку нечем стало платить за квартиру, ее владелец решил нас выселить, с ментами...

Я замолчал, улыбнулся бодро и после паузы совсем весело пропел:

– А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...

Шутка не прошла, а ужас в глазах мамы прошел, и в них появилось давно ожидаемое осуждение. Молчаливое, как обычно.

– Я на кухню – ужин готовить, – сказала она, поджав губы. – Кормить вас надо...

«Кормить вас надо...» Было что-то двусмысленное в ее словах, но голову я себе забивать не стал. Если думать еще над маминым молчаливым осуждением – вообще с ума сойти можно.

Аньке от долгой дороги и перипетий бурного дня подурнело. Я проводил ее в бывшую мою комнату, выгнал оттуда упирающегося брата и уложил жену в постель. Неожиданно мне действительно захотелось кушать. Хорошо все-таки у мамы жить: только захотелось, а ужин уже готов, и не надо думать, на какие шиши покупать для него продукты. На столе – ужин дымит ароматно, из ниоткуда взялся, по доброму маминому волшебству...

Робинзон, потерпевший кораблекрушение и увидевший долгожданную землю. Путник, блуждавший в холодном лесу и вышедший наконец к человеческому жилью, – примерно так я себя чувствовал. Позади кошмар, спасся, выплыл, в безопасности, в домике я – в теплом родительском домике, где вкусно пахнет едой и надеждой. Господи, как же я любил их, как благодарен им был. Раньше: ну, есть родители и есть – у всех есть. Любят? Всех любят. Обязаны любить, раз родили. Только тогда, в свой первый в жизни по-настоящему черный день я понял, какое это счастье огромное, когда есть место, куда можно прийти, где любят тебя и ждут. Даже брат, прогнозируемо жалующийся родителям на свою тяжелую судьбу, не сбил моего благодного настроения.

– Вы представляете – он меня выгнал, – тихо и возмущенно говорил братец, стоя перед мамой и папой на кухне. – Я двойку по математике завтра на контрольной получу из-за него. Предупреждаю, точно получу. Все претензии – к нему. Свалился как снег на голову, уложил *эту* в мою постель и выгнал. Мне заниматься надо, а теперь... Нет, точно получу! Вы меня потом и не спрашивайте почему. У Витеньки своего лучше спросите. Он, он будет виноват, я вас предупредил – имейте в виду...

Наивная хитрость брата-школьника умилила меня почти до слез. Какой он хороший, ну, решил выжать дивидендов немножко из сложившейся ситуации. Максимум, на что его хватило, – от двойки грядущей отмазаться. А ведь ему жить с нами – в тесноте, да не в обиде. А хитрый... Все мы здесь непростые, все мы одной крови, семья мы...

– Я, я буду виноват – не волнуйся, – сказал, подкравшись к нему сзади и обняв за плечи. – Конечно, я буду, можешь списать на меня все свои прошлые и будущие двойки. А сейчас вали отсюда, дай поесть спокойно.

– Я что – я ничего, – испугался брат. – Я просто... Чтобы они знали, готовы были морально. Чтобы потом не спрашивали, если что. Ты не думай, я все понимаю. Такой случай... Просто чтобы знали...

Брат попятился назад и пулей вылетел из кухни. Мы с отцом рассмеялись, но мама не поддержала веселья. Сказала хмуро:

– Садись, ешь, заодно и расскажешь, что у тебя стряслось.

Я ел благословенную, вкуснейшую мамину стряпню и увлеченно описывал события минувшего дня. Неожиданно они приобрели другой, залихватский и смешной оттенок. Особо я веселился, рассказывая, как запихивал в окровавленную пасть хозяина компании семьсот долларов. Я веселился и не замечал, как мрачнеет лицо матери.

– Ну и дурак, – не выдержала она, со звоном бросив грязные ножи и вилки в мойку. – Деньги тебе сейчас очень быгодились. И вообще, как ты собираешься жить дальше? И где? И на что?

– Слушай, может, не надо сегодня... – вступился, почуяв неладное, отец. – Такой день все-таки, тяжелый... Пусть выпится, отдохнет. Завтра поговорим.

Я ничего не почувствовал. Ел вкусный ужин, плескался в знакомой обстановке родного дома, как в ласковой, температуры парного молока морской водичке. Все же как обычно: жесткая мать ворчит, добрый папенька пытается смягчить проблемы... И пахнет так вкусно, по-домашнему. Ах, как вкусно пахнет...

– Да ничего, можно и сегодня, – успокоил я отца. – Вы не волнуйтесь, я придумаю что-нибудь, пока у вас поживу с Анькой, а потом новую работу найду. Осталось только понять – где. Видите, сволочи какие кругом, обманывают. А я пахал на этого козла как проклятый. И что в результате? Что в результате я получил?

– Семьсот долларов, повышение по службе и увеличение оклада на треть, – быстро ответила на мой риторический вопрос мать и продолжила: – Но тебе этого показалось мало.

– Ты чего, серьезно? – искренне удивился я. – Он же меня обманул, понимаешь? Он унизил меня, поимел. Нет, у меня есть чувство собственного достоинства, я не позволю...

– Не позволишь, значит, – закричала вдруг впадшая в буйство мама. – Значит, ты не позволишь?! Жениться в двадцать три года ты себе позволил, угрожать последние деньги на эту дурацкую свадьбу в борделе – ты позволил, обрюхатить глупую девку, тебе, дураку, поверившую, – ты позволил, привести ее сюда, в двухкомнатную квартиру, к родителям и брату-десятикласснику – ты себе позволяешь, а взять семьсот долларов и поблагодарить за повышение – это ниже твоего достоинства, так выходит?!

– Но он же меня обманул, как ты не понимаешь?

– Это ты обманул, сволочь! – зашлась криком мать и отвесила мне, как в детстве, подзатыльник. – Не меня обманул, ты вот ее обманул – девку беременную, несчастную! Небось, думала, за мужика замуж выходит, а ты – чертова истеричка...

Мама не выдержала напора эмоций и упала в заботливо раскрытые объятия отца. Зарыдала, запричитала горько...

Жизнь дома имела, кроме плюсов, и минусы. Слишком долго она держалась, терпела мою самостоятельность. И вот теперь отводит душу. Унижение... Господи, какое унижение, а я расслабился, оттаял в теплой молочно-кисельной домашней атмосфере... Ну ладно: переберется, успокоится. Вот и отец ей бормочет, что ничего страшного не произошло, что я хороший парень, выкарабкаюсь, просто помочь немного надо, пройдет время, и выкарабкаюсь.

И все-таки такого унижения спускать нельзя. Нужно сразу расставить правильные акценты, а то сожрет меня мама, задавит своей жесткостью и любовью, как в детстве. Зря я, что ли, восемь месяцев вел с ней отчаянную войну за независимость?

– Знаешь что, мать, – сказал с металлом в голосе, отшвырнув от себя аппетитно пахнущую тарелку с едой. – Я поживу здесь пока и уйду при первой же возможности. А ты думай, как квартиру разменивать будем. Ребенок скоро родится, внучка твоя долгожданная.

– Швыряешься, да?! Гонор свой показываешь, да?! – Мать вырвалась из рук удерживающего ее отца и склонилась надо мной. – А кто тебе сказал, что ты здесь жить будешь? У твоей Анечки тоже мама есть, а у неё – трехкомнатная квартира. Ты не швыряйся, если такой гордый! Ты вышвыривайся отсюда поскорее и гордись у тещи, если сможешь!

– Ну подожди, – не выдержал отец. – У них же там сестра с мужем и ребенком живут и тесть-алкаш... Куда они там все? Да и квартира, хоть трехкомнатная, а меньше нашей. Менять – это, конечно, перебор. Но куда ты его выгоняешь на ночь глядя?

– Почему перебор? – холодеющими губами, не веря в реальность происходящего, прошептал я. – Вы же обещали... Я помню – обещали, когда ребенка оставить уговаривали. Папа, это же при тебе было?

– Понимаешь, сынок... понимаешь... – Отец запнулся, глянул на меня быстро, отвел глаза, махнул безнадежно рукой и невнятно пробормотал: – Не могу я... Достало меня все: размениваемся – не размениваемся... Пусть мать скажет – у нее по сто мнений на дню.

– И скажу! Я все скажу! Меня, думаете, не достало? – Красная паутинка сосудов оплела мамино лицо, и она стала похожа на яростного спецназовца, поднимающегося в атаку. – Я долго молчала, а теперь скажу! Мой сын – безответственный урод и тряпка! А потому что была тебя мало. Драть тебя надо было как сидорову козу. Давалось тебе все слишком легко, Витя, – учеба, деньги, девки... Вот ты и подумал, что жизнь на халяву прожить можно. Не получится. Ни у кого не получается. Обрюхатил несчастную дурочку... И я, взрослая женщина, унижаться перед тобой была вынуждена, врать, что квартиру разменяю. Девочке – двадцать один год, первый аборт. Ты что, с ума сошел? Жизнь ей поломать хочешь? «Нет, квартиру меняйте – тогда милостиво соглашусь на ребенка». Эгоист! Урод! Тряпка! Как прижало – к мамочке сразу прибежал, а раньше: «не звони, не спрашивай, у меня своя жизнь». Знаешь что: у тебя своя, а у нас – своя. У нас младший сын есть, ему в институт поступать в этом году, ему заниматься надо. Не дам сломать ему жизнь! Если ты эгоист, о себе только думаешь, то и живи как хочешь, а нас не трогай. Ты слышишь, не трогай, мерзавец, убирайся отсюда немедленно, видеть тебя не могу! Отец, отец, уведи меня отсюда, пожалуйста, я не могу, не могу, стыдно мне, плохо мне, уведи... Сердце, «Скорую»...

Мать впала в истерику, побледнела, затопала ногами, а потом ослабла, повалилась на руки испуганного папы, и он потащил ее прочь из кухни.

Я остался один. Передо мной стояла отодвинутая тарелка с приготовленным мамой тушеным мясом. Оно так вкусно пахло, так знакомо с детства и уютно. Только теперь это был не мой запах. Я мерзавец! Мерзавец... Я не нужен здесь. Меня изгнали. Младший брат нужен – он

ребенок еще, а я – нет. Я мерзавец, потому что пришел домой с беременной женой. Деваться нам некуда было, и я подумал... Ребенком час назад зашел я в родительский дом, а теперь сижу чужим дядькой – ненавистным, лишним. И времени прошло всего ничего, и не то что привыкнуть не могу, а даже осознать произошедшую перемену. Как душ контрастный, только намного хуже. Рвет меня на части, а в образовавшемся провале – пустота, ни одной мысли, ни одного желания, лишь голос мамы, доносящийся сквозь ее же рыдания из коридора.

– Я жить не могу, я жизнь зря прожила, если он такой... ой, сердце... дышать не могу... валокордина... ой, не могу жить... сволочь...

Вот такая, оказывается, жизнь на самом деле. Сложная. Никто не может разобраться, и я не могу. А еще женился, взял на себя ответственность за жену и будущего ребенка...

Как там Анька? Услышала, наверное, крики и забилась от страха под одеяло в бывшей моей комнате. Привел к чудовищам, а сам – мерзавец, эгоист и тряпка. Надо пойти узнать, как она там? Эгоист я, да не совсем... Точнее – совсем. Мне срочно нужно подумать о ком-то другом. Не о себе. Только поэтому о ней и думаю. Из чувства самосохранения, чтобы о себе не думать.

Встал и пошел. Увидел. Как и предполагал, Анька лежала, укрывшись одеялом с головой.

– Как ты? – спросил. – Слышала?

– Давай к маме моей поедem, – раздался испуганный голос из-под одеяла. – Я боюсь...

– Завтра решим, не бойся. Она психует просто. Завтра отойдет. Ты спи. Я пойду на улицу – проветрюсь. А ты спи.

– Хорошо, – ответила Анька из-под одеяла, но голову так и не высунула. Разговор с ней отнял у меня последние силы, еле в коридор вышел. Встретил отца. Он увидел меня и стал заталкивать обратно в комнату. Видимо, испугался.

– Да я нормально, нормально, пап. Я просто на улицу хочу выйти, проветриться. Скоро вернусь. Не волнуйся.

– Ты на нее не обижайся, – шепотом, чтобы не услышала мать в гостиной, сказал мне он. – Она просто психует. Завтра извиняться будет – ты же знаешь ее...

– Знаю, – согласился я, – будет. Ты не волнуйся, я проветриться просто.

Он отпустил меня и открыл дверь.

– Иди, – сказал. – Может, так и лучше... Только не задерживайся. Обещаешь?

Я кивнул и вышел из дома. И подумал: как мы с папой похожи, даже слова одинаковые говорим – что он мне, что я Аньке. Теперь, правда, неважно, на кого я похож. Я и на маму, допустим, похож. Только выгнали они меня, выжили, отдалили, отжали от себя. Живу никому не нужный, не важный никому. Один живу. Даже хуже, чем один. Анька на мне и еще не рожденный ребенок. И идти нам некуда. Надо подумать, надо хорошенько подумать об этом, только место найти нужно, где думать. В родительском доме не смогу – чужой я там. А где тогда? Ну, конечно, пойду на Патриаршие пруды. Вот они, рядом, под боком, любимый с детства квадрат скамеечек и родная лужа посередине. Скамеечки и лужа – не папа с мамой, не предадут. Туда пойду. Думать буду. Или утоплюсь...

* * *

Сижу на скамейке у Патриарших – маленький, смятый. Темно уже и холодно. Везде так – и снаружи, и внутри. Сижу, смотрю на «московских окон негасимый свет». Пруд обступают дома, и за каждым окошком в них есть жизнь, есть люди. А у меня нет окошка, и жизни нет. Я маленький, потерявшийся мальчик. Меня обидели. Люди, вытолкнувшие меня на этот неласковый электрический свет, от меня отказались. Живи как хочешь, Витя, а хочешь – не живи. Это необъяснимое, чудовищное предательство – вытолкнуть на свет и бросить. Нет, я все понимаю: система такая, просто такая система дозированного капельного орошения. Недостаток

ресурсов делает сильнее, повышает сопротивляемость. Но я же живой все-таки, мне больно и страшно. Рухнуло все, я рухнул. Пережали. Завял аленький цветочек без воды, без ласки, без уверенности. Как мало, оказывается, мне нужно, чтобы рухнуть. Всего-то потерять уверенность, что есть на кого опереться.

Я думал, я крутой, твердо стою на ногах. А меня держала уверенность. Теперь ее нет. Хочется лечь на скамейку, поджать ноги, свернуться калачиком и заснуть. Абстрагироваться хочется от всего, исчезнуть. От меня ничего не зависит, я маленький. Злой холодный мир ополчился на малыша. Страшные тени тянутся к нему, чтобы сожрать. Но малыш знает один секрет – нужно закрыть глазки, сказать «я в домике», и тени исчезнут. Малыш закрывает глаза и понимает, что тени не снаружи, а внутри его. Просочились, пробрались и рвут его на куски. Поздно трюки применять, сдохнуть только остается. Умирает маленький мальчик Витя. Тени продолжают жить, а мальчик умирает.

Обычная история. Миллиарды таких историй на земле. Думают мальчики и девочки, что они самые главные на свете, хотя бы для своих мам и пап. А как только перестают так думать – умирают. Что от них остается? Да ничего от большинства. Пустое место. Существуют по инерции. Ходят, едят, пьют, плодят других мальчиков и девочек, а нет их самих. Все были гусеницами, да не всем бабочками стать удалось. Естественный отбор. Я не прошел. Правильно меня начальник поймел. Он прошел, он большой, а я – гусеница, от меня даже родители отказались. Мой удел – в грязи ползать и услужливо подставляться таким, как он. Ну что ж, выше головы не прыгнешь! Я пытался, задираю башку вверх, заглядывался на небеса. Почти получилось, почти сумел... Но только почти. Что ж, буду страдать. Страдающая гусеница – назидание остальным ползучим тварям, чтобы головы держали опущенными.

Ладно, ничего не поделаешь. Смирюсь, сопьюсь, превращусь в ничто. Я согласен. Никто, правда, моего согласия не спрашивает, но я согласен.

...Нет, подождите! А как же Анька? Я – ладно, но как Анька? Она же бабочка редкой красоты: переливается вся, светится на солнышке, и внутри у нее – мой ребенок. Это не ее судьба, я не могу допустить, чтобы... Меня пускай имеют. Я согласился уже, принял неизбежное. Но чтобы ее вместе со мной?..

– А хрен вам в грызло!!! – ору я на все Патриаршие пруды, и проходящие мимо мамашки с детьми шарахаются в стороны. – Выкусите, уроды! Не по-зво-лю!!!

Я сгибаю локоть, делаю неприличный жест и отчаянно грожу затянутому низкими тучами небу. Энергия и воля хлещут из меня наружу. Я вцеплюсь этому податливому, жирному и тупому миру в горло, я выгрызу зубами у него все, что мне положено и не положено. Никто, никогда не превратит мою радужную переливчатую бабочку Аньку в ползучую тварь. И дети мои будут летать, и их дети. Всё! Я вылупился. Больно гусенице в бабочку превращаться. Но я проклюнулся – смотрю на мир прищуренными, злыми глазами, прикидываю, что бы оторвать половчее. Сработала система капельного орошения – спасибо, родители. Я не обижаюсь на вас больше, но и не люблю, как прежде. Мы равные, свободные, родственные животные в свободном и неродственном мире. Мы поможем друг другу, если что. Это правильно – стаей держаться надо. Но долой иллюзии! Мы близкие, но не главные друг для друга. Главный тот, кто сейчас слабее. Для вас – мой младший брат, для меня – Анька и еще не рожденный ребенок.

Эй, мир, что ты мне можешь предложить? Я не хочу больше глотать твои твердые и сухие кости! Поворачивайся ко мне живее сочными целлюлитными бочками. Они у тебя есть – я точно знаю. Никогда больше не буду ставить на себе экспериментов на выносливость, буду хорошо есть и спать, мои жилы, волокна, мускулы не для того, чтобы тянуть проклятые многожильные провода по бесконечным этажам новостроек. Они для любви, для Аньки, для теплого солнца и ласкового моря, для нежнейшей, тончайшей шерсти дорогих костюмов. Значит, пора отрываться от земли и лететь к небесам, в область абстрактного, чистого разума. К деньгам поближе мне пора, к символам власти, могущества и полета.

А где у нас деньги лежат? В банках, на биржах, в ценных бумагах. Недаром в детстве любимой книгой у меня была трилогия Драйзера «Финансист» – «Титан» – «Стоик». Там все очень популярно изложено. Три месяца я горбатился на трех работах. Ковырялся в проводах и схемах, несколько раз меня било током, чуть не сдох от недосыпа и перенапряжения, а деньги заработали другие – и пальцем не пошевелившие люди. Мой начальник-сволочь и тертые зеленоградские коммунальщики. Зато они шевелили мозгами, особенно начальник. Не по труду он деньги получил, а по праву сильного, по хитрожопости своей немереной. За другую команду я должен играть, трудовые резервы – вечные аутсайдеры, а вот команда бабла всегда побеждает. Значит, мне туда, не глупее я начальника, умнее даже, моложе и быстрее. Все у меня получится! Прошел испытание, пережил черный день взросления. Повзрослел.

* * *

Я вернулся домой другим человеком. Утром мать попыталась передо мной извиниться, но я обнял ее, поцеловал в постаревшее, я только тогда в первый раз заметил, что постаревшее, лицо и сказал, что она во всем права. Дерьмо я и мерзавец, но постараюсь исправиться в ближайшее время. И мы уехали жить к теще. Я записался на двухнедельные курсы подготовки к сдаче экзамена на аттестат Минфина по работе с ценными бумагами. Подготовился. Сдал. Еще месяц обходил и обзванивал все известные мне банки и инвестиционные компании. Искал работу. Нашел. Зарплата оказалась в два раза выше, чем у прораба на стройке. Целых 350 долларов. Я не верил, что мне заплатят такие огромные деньги. Заплатили. И премию заплатили, еще столько же. Всего получилось семьсот. Ирония судьбы! Именно за такую сумму я три месяца корячился ночами и выходными в бывшем пионерском лагере под Зеленоградом. Смешно. Получив деньги, я пришел под окна роддома, где лежала Анька, и на пальцах в окошко седьмого этажа показал ей, что да, да, получил, не обманули, больше получил, чем ожидал. Семьсот. Да, тебе не показалось, ты поняла правильно – семьсот. Анька от счастья чуть не родила прямо у окошка. Еще через девять месяцев я купил свою первую двухкомнатную квартиру в Отрадном и съехал от тещи.

Часть 2. Темный день

Утро красит нежным светом...

...Светает. Какое глупое литературное слово. Но «становится светлее» – длинно, а «рас-светает» – заезженно и излишне оптимистично. Не под настроение.

Ночь почти закончилась. Шебуршится Славка в своей комнате. Скоро встанет и сонный, бедняга, пойдет в школу. Анька звенит тарелками на кухне – готовит ему завтрак. Они спали, для них новый день, для них светает. А у меня в голове темнеет, и день у меня опять старый. Похмелье достигло своего апогея, незаметно выдавив хмель из организма. У них светает, у меня – темнеет. Зря мучился. Ну, вспомнил... Ну, почувствовал... А что толку? Анька гусеницей меня полюбила, с бабочкой ей оказалось душно, уползти, улететь ей захотелось от бабочки, молотком ее размозжить. Неизвестно, правда, как ей с гусеницей бы жилось. А может, и хорошо: шесть соток за сто километров, огородик, дачка, ипотека, иномарка в кредит, шашлычки, радость по поводу обретения Крыма, забитый и вечно виноватый муж... Зато не душно.

Не знаю, я ничего не знаю. Догадываюсь только, что мне самому с собой душно. Не очень-то понравилось мне бабочкой грозной порхать... А иначе зачем несколько лет назад я забил на весь этот Квиддич в восходящих бюджетных потоках? Зачем писать начал?

Темнеет... Непонятно ничего. Да, по-честному все вспомнил, разобрал себя по косточкам, не пощадил. Действительно в черный день моего взросления так чувствовал – «равные, свободные, родственные животные в неродственном свободном мире». Только фигня все это! Когда через пять лет маме делали операцию на сердце, семь часов подряд молился, все деньги был готов отдать, весь свой в кавычках успех, лишь бы жива осталась. А через месяц снова «равные, свободные, родственные животные». Закружила жизнь в бессмысленном бесконечном вальсе, где жестким нужно быть, отдавливать ноги партнерам и партнершам, иначе тебе отдавят. И ритм держать. Раз, два, три... Раз, два, три... Атлант расправил плечи и танцует вальс. Ох, лучше не попадать под танцующего Атланта. Затопчет. Со стороны – красивое зрелище, а если разобраться – ерунда. Обыкновенная ницшеанская ерунда. Ницше, кстати, в конце жизни с ума сошел и умер, говорят, от сифилиса. Так кончают сверхчеловеки. Потому что с годами ритм, звучащий внутри, меняется. Вместо раз, два, три – не так, так, так... а потом – не то, то, то... И умираешь, сходишь с ума, и новые Атланты приходят на твоё место.

Темнеет... Глаза слипаются, думать становится тяжело, да и не о чем. Ничего интересного дальше не было. Одним словом описать можно: крутился. Приходил поздно, уходил рано, искал, рыскал, сканировал пространство, общался с малоприятными людьми, бухал, боялся. Рвал и урвал... Ого, стихи почти получились, «Евгений Онегин» наших дней, а больше и не добавишь. Крутился... Анька воспитывала дочку – я крутился. Как дети маленькие растут, увидел, только когда сын родился, и то не сразу. С дочкой подружился в двенадцать лет – почти как дед с моей матерью. Но он-то хоть в тюрьме сидел. А я? Тоже тюрьма своего рода, крутящаяся с бешеной скоростью тюрьма.

Любопытно, что пока крутился – Аньку все устраивало. Никаких скандалов – все правильно, по-человечески: мужик за мамонтами гоняется, баба поддерживает огонь в домашнем очаге. А как только замедляться стал – равновесие и нарушилось. Но полюбила она меня мало-подвижной гусеницей, я ясно помню... Возможно, это просто нереально – бабочке снова гусеницей стать? Крыльями железными нужно бабочке махать, и чем быстрее – тем лучше. Но я не хочу, а точнее – не могу. И бабочкой быть не могу, и гусеницей. Можно я буду собакой, или кашалотом, или слоником?

Темнеет... Запутался я. Бабочки, гусеницы, кашалоты, собаки, Анька, Женька, Славка, бабушка и дедушка, отец и мать – кружатся в моей бедной, раскалывающейся от похмелья голове. Какой быстрый и завораживающий танец. Сливаются все краски, превращаются в черный цвет, и закрываются глаза, делая цвет еще темнее. Темнеет... За окном светает, а у меня – темнеет. Меня засыпает этой темнотой, и я засыпаю тоже.

* * *

...Проход через среднюю зону, пас нападающему, удар и... Шайба после щелчка, грома, несется по льду в нижний левый угол ворот. Но вдруг... Не долетев до ворот полметра, она останавливается и начинает звонить. Как телефон. Только громче. Что же это такое? Да как это?..

Я открываю глаза и вижу ногу Аньки в дверях спальни. От ноги на меня по зеркальному паркету из красного дерева летит трубка радиотелефона «Панасоник». Летит и звонит. Красиво: белая трубка на темно-вишневом фоне, звонит, переливается весело-синими огоньками и крутится вокруг своей оси. «Надо запатентовать изобретение, – думаю я. – Светящаяся музыкальная шайба и хоккей в полной темноте – лишь игроки, клюшки да рамки ворот излучают холодный кислотный свет. Красиво невероятно. И, возможно, денежно».

Телефон перестает вращаться и останавливается ровно у моей свисающей с кровати руки. Точно Анька, ей бы в НХЛ играть. Научилась за годы жизни с чудовищем скупым жестом выражать свое отношение, но не переходя границу – точно в руку, чтобы не спровоцировать скандал, чтобы не заставили телефон из-под кровати вытаскивать. Молодец!

Я подбираю телефон и в изумлении снова роняю его на пол. Что?! 8.30 утра? Она что, обалдела совсем? Будить меня с похмелья в 8.30 утра? Специально, что ли? Мстит так? Да всему миру, а ей прежде всего известно, что я последние несколько лет раньше двенадцати не встаю. Пишу я по ночам, вдохновение на меня снисходит. Темные тексты рождаются в темное время суток. Ну если из-за ерунды разбудила... Пожалеет, что на свет родилась.

– Который сейчас час? – на всякий случай, и на всякий случай недовольным голосом, спрашиваю я.

– Полдевятого.

– Так какого черта?!

– Это Сережа звонит. Три раза звонил уже – говорит, что очень срочно.

Сережа – это мой младший партнер по так называемому бизнесу. Если Сережа в полдевятого звонит мне на домашний телефон, значит, небо рухнуло на землю. Я так ему и сказал, когда работать вместе начали: «Рухнет небо на землю – звони в любое время, а до тех пор раньше двенадцати не беспокой». Значит, рухнуло. Серега – парень ответственный: позвонил – значит, рухнуло. Можно даже в окошко не смотреть – гарантия стопроцентная.

Мне становится страшно. Я отвык... Уже года три-четыре небо на землю не рушилось. Опасливо, как будто она горячая, прикладываю трубку телефона к уху и осторожно говорю:

– Але...

– Я из туалета звоню, – шепчет Серега еле слышно.

– Запор? – так же шепотом пробую шутить я.

– Обыск, – совершенно серьезно и даже трагически отвечает Сережа. – У меня в туалете, где трубы, телефон спрятан, с левой симкой.

«От жены шифруется, любовнице из туалета звонит», – догадываюсь я, и тут же, детонируя затаившееся похмелье, в голове взрывается другая мысль: «Какой, на хрен, обыск? Я же на пенсии, мы ничего такого не делаем. На пенсии я...»

– Какой обыск? Мы ничего такого не делаем, – шепчу удивленно, повторяя вслух вопрос-детонатор.

– Такой, с ОМОНОм в масках, – прогнозируемо тихо взрывается Серега. – И следак привет от Петра Валерьяновича какого-то передает. Из твоих, наверное, чиновников. Говорил я тебе: не связывайся с чинушами. Сколько раз просил?

Ох уж мне эти могучие, расправившие плечи атланты! Когда все хорошо – солнце своими плечами закрывают, гоголем по земле ходят. А как прижмет чуть – «говорил я тебе...». С кем еще связываться в нашей стране, как не с чиновниками? У кого здесь еще бабки есть?

Когда за четыре года Серега на свои пятнадцать процентов от прибыли купил квартиру в центре Москвы и домик на Кипре, он молчал, а сейчас укоряет меня трагическим шепотом из туалета. Ладно.

– Воду спусти, – довольно громко велю я ему в трубку.

– Что? – забыв от шока понизить голос, спрашивает Сергей.

– Спусти воду, воняет.

– А как ты дога... – он обрывает себя на полуслове, прекращает истерить и быстро, виновато посвистывая от усердия, шепчет:

– Прости, прости, ты прав, конечно, прости, пожалуйста...

Я для Сереги – авторитет, бабочка со стальными крыльями, в которую он стремится превратиться с моей помощью. Во-первых, я на десять лет старше и примерно во столько же раз богаче. Во-вторых, я один из редких мерзавцев, осуществивших вековую мечту русского народа – лежать на печи и ни хрена не делать. «А ну-ка, сани, везите сами!» Санями он чувствует, естественно, себя, но надеется поменяться когда-нибудь с ездоком позицией. Хороший парень. Нет, правда хороший! Из лучших. По-мелкому не кинет, по-крупному не догадается как. Я его подобрал лет шесть назад, когда стал готовиться к пенсии. Молодой, шустрый риелтор, с зачатками интеллекта в глазах и огромным желанием хапнуть денег. Но не орел: печень не выключает без крайней необходимости, да и по необходимости не сумеет. «Годится, – подумал я тогда. – Такой парень годится в младшие партнеры и управляющие моим маленьким пенсионным фондом. В яблочко, прямое попадание». И подобрал. А вот теперь у него обыск. Царь Мидас превращал все, к чему прикасался, в золото, а я, видимо, – в дерьмо. На Серегу еще давить не начали, да и не за что давить, если честно. А он уже обосрался в прямом и переносном смысле. Сидит на толчке в панике, ищет поводы, чтобы меня сдать. Надо поддержать его, что ли...

– Не ссы, – говорю ему преувеличенно бодро, – точнее, не сри, или – чего ты там делаешь? В общем, набери побольше воздуха, заткни все свои отверстия и сиди так молча.

Я залиvisto, громоподобно смеюсь. Не потому, что хочу унижить Серегу. Просто это входит в программу бизнес-психотерапии для экстремальных ситуаций. Если альфа-самец веселится, чморит наложивших в штаны сотрудников – значит, он все еще альфа. Все разрулит, все решит, ничего страшного не происходит, значит. Я эту науку еще двадцать лет назад прошел, когда банк, где я работал, накрывался. Накрылся он в результате, но до последнего сотрудники благоговели и были верны своему хамящему боссу, пока он в Америку не сбежал с остатками кассы. Все, кроме меня. Я тогда уже в боссы метил и многое понимал.

...Ох, заиграли медные трубы, и вздрогнула старая полковая кляча, приосанилась, вздыбила поредевшую гриву и пошла скакать аллюром, счастливая... Старая полковая кляча – это я. Адреналина мне не хватало, вот чего! Отсюда и самокопания эти бесконечные. Есть проблема – будем решать. И решим. И отведаем кубок хмельного вина на радостях. И жизнь приобретет совсем другие краски.

– У тебя дома документы какие-нибудь есть? – спрашиваю я возбужденно Серегу.

– Нет, все в офисе, ты же знаешь.

– А компьютер?

– В офисе вчера оставил. Я к девушке ехал, вот и подумал...

– Ты почаще, Сереж, баб навещай и денег на них не жалея – они удачу приносят. Видишь, как все удачно сложилось? А все из-за баб. Значит, будем действовать так: я сейчас позвоню нашим, скажу, чтобы на работу сегодня не приходили, от греха подальше. Пошлю только кого-нибудь одного – пусть компьютеры и документы вывезет, тоже от греха. Ты – директор нашей конторы, но бояться тебе нечего. У нас все по-белому: налоги платим, клиенты рассчитываются исключительно безналom. Да ты лучше меня знаешь. Или косорезил чего-нибудь по-тихому, а?

– Витя, да ты что, да я копейки...

– Верю, пошутил так просто. С Петром Валерьяновичем я разберусь, есть ресурсы. Сегодня надеюсь разобраться или завтра максимум. В сущности, нет никаких проблем. Скорее недопонимание, кросс-культурные различия, если ты понимаешь, о чем я. Понимаешь?

– Это когда негр с китайцем не могут договориться?

– Примерно, но только хуже. Негр с китайцем договорятся в конце концов, а вот бизнесмен с чиновником... Но тоже можно, ресурсы, как я говорил, есть. И последнее: скажи, что было написано в постановлении на обыск?

– В каком?

– Ну в том, что тебе следак предъявил.

– Ой, а я и не прочел до конца! Не помню... Типа, вы проходите свидетелем по какому-то делу, разрешение прокуратуры на следственные действия по месту жительства, еще чего-то...

– Эх ты, шляпа, молодой ишшо, необстрелянный. Ладно, как с толчка слезешь, еще раз у следователя постановление попроси. Гарантирую, ничего касающегося нас в уголовном деле, по которому ты проходишь свидетелем, нет. Незаконное использование программного обеспечения, переход улицы в неположенном месте, браконьерский отстрел амурских тигров – все что угодно, только не про нас. Так что не переживай, выпей, расслабься и получай удовольствие. И такой опыт в жизни необходим. На всякий случай пришлю к тебе своего адвоката. Короче, мне вопрос решать надо, я побежал. А ты позвони, когда все закончится. Понял?

– Витя, спасибо тебе огромное, вот прям от сердца отлегло. Поговорил – и легче стало.

– Со мной говори, а с остальными – больше помалкивай, особенно со следователями. И имей в виду: обыск будет продолжаться минимум часа четыре, а то и пять. Хочешь, фильм классный с адвокатом пришлю, на blue gay – посмотреть успеешь, отвлечешься.

– Какой фильм?

– «Джентльмены удачи» – с Леоновым и Крамаровым, про тюрьму. Тебе пригодится – ха, ха, ха! Ладно, шучу. Держись там, вечером позвоню. А фильм все-таки посмотри – помогает.

Я кладу разогревшуюся от разговора телефонную трубку на кровать и поднимаю голову. В дверях стоит Анька. Плохо... Слышала всё. Сейчас начнется...

– Какой же ты все-таки, Витя, урод! – говорит она, разворачивается и, презрительно покачивая обтянутым домашним халатиком задом, уходит. Как ей только удастся вот так презрительно покачивать? Вот мне лицо нужно, чтобы эмоции выражать. Ей – хватает и зада. Хотя, если бы у меня был такой зад, вся жизнь, может быть, по-другому сложилась бы...

Я пытаюсь бодриться, хохлю мысленно, но мне все равно обидно. Очень. Во второй половине нашей совместной жизни у Аньки появилась одна дико раздражающая меня особенность. Как только на моем горизонте появляются первые признаки неприятностей, она умудряется поссориться со мной вдрызг. Из-за ерунды, из-за мелочи какой-нибудь. Пролитый кофе, выкуренная в туалете тайком сигарета – все что угодно. Но всегда с неумолимой точностью. Именно когда проблемы на горизонте возникают. Часто это происходит за некоторое время до проблем. Она чувствует, она предугадывает: скоро может понадобится ее моральная поддержка, и обрубаёт даже потенциальную возможность такой поддержки в зародыше. Я стал бояться наших скандалов. Скандал – проблемы, скандал – проблемы... Только идиот не заметит связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.